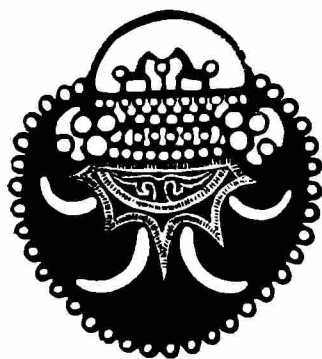

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

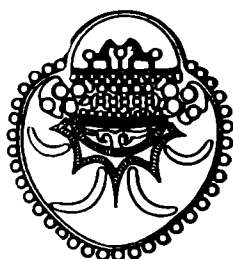

3
1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, **С. Н. Бибииков**, **В. Д. Блаватский**, **Л. А. Голубева**,
Л. А. Евтюхова, **А. Л. Монгайт**, **А. П. Окладников**, **Т. С. Пассек**,
Б. Б. Пиотровский, **Б. А. Рыбаков**, **А. П. Смирнов**

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская, 19, тел. В 6-94-45

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-08053. Подписано к печати 21/VII 1962 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10,5
Печ. л. 28,77+3 вкл. Уч.-изд. л. 31,4 Тираж 1930 экз. Заказ 645

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Л. А. ГОЛУБЕВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕСИ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

До недавнего времени белозерская весь оставалась археологической загадкой. Историки, опираясь как на прямые указания летописи¹, так и на данные топонимики², не сомневаются в том, что весь составляла древнейший этнический массив Белозерья перед приходом сюда славян. А. П. Смирнов убедительно показал, что именно с районом Белоозера следует связывать рассказы арабских авторов о «стране вису» и что отождествление «вису» и веси вполне правомерно³.

Однако памятники, с которыми лингвисты⁴ и этнографы⁵ все более уверенно связывают летописную весь и от которых они ведут прямую нить этногенеза к современным вепсам, известны не в Белозерье, а в Юго-Восточном Приладожье. Я имею в виду курганы X — начала XIII в. по рр. Яси, Паше, Ояти, Свири, раскопанные Д. Е. Европеусом, Н. П. Барсовым, Л. Н. Целеппи, Н. И. Бранденбургом, А. Колмогоровым, В. И. Равдоникасом и А. М. Линевским.

То обстоятельство, что по восточную сторону Вепской возвышенности такие курганы не были известны, заставляло историков колебаться в этнической интерпретации памятников Юго-Восточного Приладожья. Их относили то к предкам вепсов⁶, то карел, то к населению, являвшемуся якобы общим предком вепсов и карел⁷. Мне кажутся наиболее убедительными выводы Я. В. Станкевич, высказанные ею в диссертации «Хронологическая классификация погребений юго-восточного Приладожья IX—XIII вв.», к сожалению оставшейся неопубликованной⁸.

¹ «На Белоозере седять Веси» (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910, стр. 10). «...а первьии насельници в Новгороде Словене, в Полотьсте Кривичи, в Ростове Меря, в Белоозере веси» (там же, стр. 19).

² А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. Уч. зап. ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1949; Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873, стр. 49—50.

³ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 225—231.

⁴ Д. В. Бубрих. О двух этнических элементах в составе карельского народа. Уч. зап. ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948; его же. Не достаточно ли емских теорий? Изв. Карело-Финского филиала АН СССР, 1951, № 1; Н. И. Богданов. Народность вепсы и их язык. Тр. Карельского филиала АН СССР, вып. XII, Петрозаводск, 1958.

⁵ В. В. Пименов. К вопросу о карельско-вепских культурных связях. СЭ, 1960, № 5, стр. 31.

⁶ Н. П. Барсов. Ук. соч.; А. Колмогоров. Тихвинские курганы. М., 1914; В. И. Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924. Впоследствии В. И. Равдоникас изменил свою точку зрения и стал считать приладожские курганы памятниками карел (см. W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 122).

⁷ А. М. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'âge recent de fer dans la Russie du Nord. ESA, т. III, стр. 19.

⁸ Рукопись. См. опись дел и чертежей Я. В. Станкевич в ЛОИА АН СССР, д. № 5; ее же. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 74—77.

Выступив в защиту первоначального мнения В. И. Равдоникаса, относившего эти памятники к предкам вепсов, Я. В. Станкевич показала самобытные черты культуры, оставленной населением Юго-Восточного Приладожья, ее отличие от культуры родственных карел и соседних племен води и ижоры. Она указала также, что хотя для X—XI вв. памятников, подтверждающих наличие веси в Белозерье, нет, но для более позднего времени они есть⁹. Я. В. Станкевич имела при этом в виду курганы по р. Суде, раскопанные А. В. Паниным в 1894 г. и изданные А. А. Спицыным в 1896 г.¹⁰ К этим материалам мы вернемся позже.

Настоящая статья имеет целью привлечь внимание к тем памятникам Белозерья X—XII вв., которые можно связать с весью.

В Юго-Восточном Приладожье, как и в Белозерье, местное население, по-видимому, вплоть до прихода славян не имело укрепленных поселений. Я. В. Станкевич относила к городищам веси два поселения: в устье р. Сяси и Старую Ладугу. Однако при обследовании В. И. Равдоникасом «городища» на Сяси не было установлено явных признаков насыпного вала. Последние раскопки в Старой Ладуге заставляют утверждать, что древнейшее укрепление возникло здесь в связи с появлением славян и не раньше X в.¹¹

В междуречье Шексны и Мологи, в бассейнах Суды и Шексны ранее XIV в. не известно ни одного достоверного земляного городища. Это обстоятельство опровергает утверждение А. М. Тальгрена о варяжских крепостях в Приладожье и Белозерске¹².

В Белозерье разведывательным раскопкам подвергались только поселения в верхнем течении р. Шексны. Расположенные на возвышенных речных грядах, они удобны для обороны и, возможно, были в древности обнесены частоколом; валов и рвов на них нет. Поселение, открытое в 1939 г. П. А. Суховым у дер. Городище, Кирилловского района, Вологодской области¹³, занимало площадь 120 × 30 м. Находящийся в 8 км от него «Федосьин городок» имеет большие размеры (около 400 × 200 м), но неясно, какая часть его была занята древним поселением¹⁴. На первом поселении (своеобразная лепная керамика его, опубликованная П. А. Суховым, вызвала большой интерес) жизнь прекратилась в начале XI в. На «Федосьином городке» нижний слой с такой же лепной посудой был перекрыт слоями XI—XIV вв. с русской круговой керамикой.

Такое же поселение существовало в нижнем течении р. Шексны, на месте дер. Луковец под Череповцом (древняя Луковесь), затопленной водами Рыбинского моря. Оттуда происходит подъемный материал, хранящийся в Череповецком музее. Наибольший результат получен при систематических раскопках в 1949—1952 и 1957—1961 гг. на поселении у истоков Шексны из Белого озера — летописном Белоозере¹⁵. Древнейший поселок располагался здесь на возвышенной части берега — первой речной террасе, на расстоянии 50—60 м от реки. Естественными

⁹ Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник. Петрозаводск, 1957, стр. 109.

¹⁰ А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2 н. с. СПб., 1896, стр. 160—162.

¹¹ Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладуге. СА, 1961, № 3, стр. 84.

¹² А. М. Тальгрэн. Ук. соч., стр. 15—16.

¹³ П. А. Сухов. Славянское городище IX—X вв. в южном Белозерье. МИА, 1941, № 6, стр. 90.

¹⁴ М. В. Фехнер. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской обл. Археологический сборник. Тр. ГИМ, вып. XXII. 1953, стр. 132—135.

¹⁵ Л. А. Голубева. Древнее Белоозеро. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 37—39; е е же. Белозерская экспедиция. КСИИМК, вып. 81, 1960, стр. 84—85; е е же. Славянские памятники на Белом озере. Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961, стр. 30—32.

границами поселения служили ручьи, впадающие в Шексну, — Васильевский с востока и безымянный, ныне пересохший, с запада.

Вытянутое вдоль речной гряды с запада на восток поселение имело размеры около 500×50 м. Раскопками, заложенными в разных местах, вскрыто около 1480 м². Поселок возник в X в. и погиб от пожара в начале XI в. Слой XI — начала XII в. отложился лишь над некоторыми участками древнего поселения; в основном город конца XI—XIV в. строился на новом месте, у самой реки и вдоль нее. Раскопками вскрыты нижние венцы домов с печника-каменками. В X в. здесь еще сохранились большие дома типа старолadoжских, о чем свидетельствуют остатки постройки длиной $10,75$ м. Усадебные участки обносились косою изгородью. Такая изгородь бытует в Белозерье и до настоящего времени. В прошлом она была распространена по всему северо-западу и, в частности, во всех районах, заселенных вепсами¹⁶.

Хотя сельскохозяйственные орудия найдены лишь в слоях XI—XIII вв., можно утверждать, что древние насельники Белоозера были земледельцами. Об этом свидетельствуют находки конопляных веревок, льняной костры, деревянных крюков, сходных с теми, которыми, по свидетельству научного сотрудника Вологодского областного краеведческого музея Н. И. Калаева, до недавнего времени в Белозерском крае убирали лен со стлищ¹⁷. Найдены и деревянные трепальные ножи для кудели, подобные старолadoжским¹⁸ и новгородским. Из домашних животных первое место в хозяйстве занимал крупный рогатый скот; овца, свинья, лошадь представлены небольшим количеством особей¹⁹. Найдены кости лося, волка, северного оленя, бобра. На охоте наряду с железными наконечниками стрел типа гнездовских применялись в большом количестве стрелы с костяными двушипными наконечниками. Близость реки и озера способствовала развитию рыболовства.

Так же как и в Юго-Восточном Приладожье, обработка металлов на Белоозере достигла высокого уровня. На всех раскопах найдены в большом количестве шлаки и крицы. Подавляющее большинство орудий труда и оружия, найденных на поселении, изготовлялось на месте. О развитии меднолитейного дела свидетельствуют обломки тигельков с коническим дном, льячки в виде ковшичка и литейная форма (рис. 1). Односторонняя форма вырезана из белого известняка; она предназначалась для одновременной выплавки медальона и спиральной очковидной подвески с крестиком у основания петли.

Из домашних промыслов были развиты прядение и ткачество. Пряслица применялись глиняные, сланцевые и костяные, точеные на примитивном токарном станке (рис. 2, 7). Отмечено всего несколько экземпляров шиферных пряслиц в горизонте конца X в. Большой интерес представляет находка глиняных дисков, сделанных из хорошо

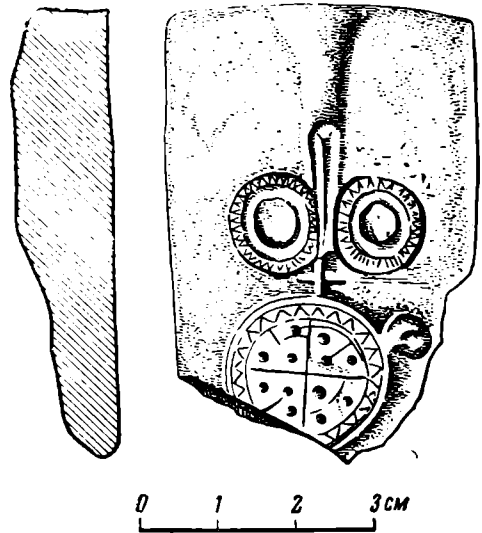

Рис. 1. Каменная форма для отливки медальона и спиральной подвески (Белоозеро, 1959 г.)

¹⁶ В. В. Пименов. Ук. соч., стр. 36.

¹⁷ Устное сообщение Н. И. Калаева.

¹⁸ Сб. «Старая Ладога», Л., 1948, табл. VIII, 6.

¹⁹ Определение костных остатков животных сделано В. И. Цалкиным.

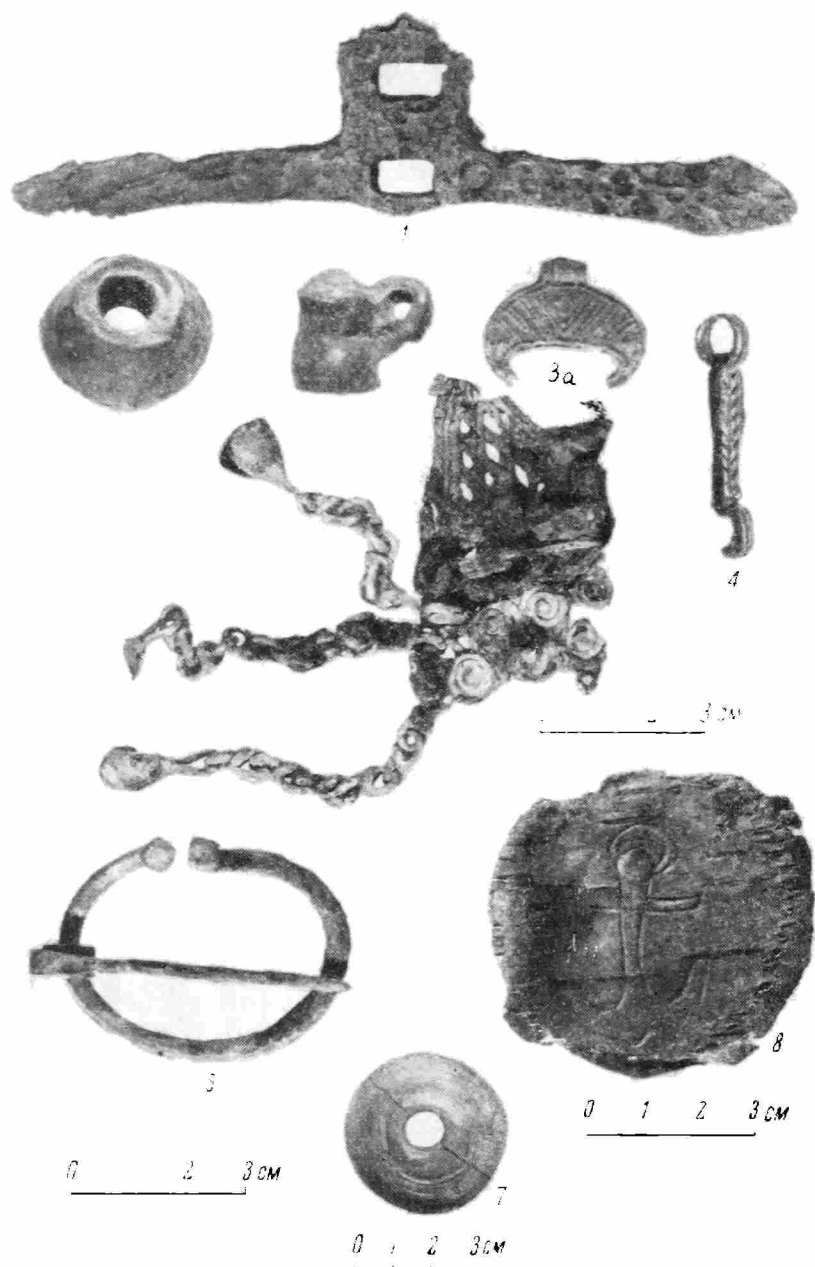

Рис. 2. Вещи из слоя X — начала XI в. на Белоозере

1 — псалий от удил, 2 — глиняное пряслице, 3 — амулет из кости бобра, 3a — лувница, 4 — костылек для шумящих подвесок, 5 — шумящая подвеска, 6 — подковообразная пряжка, 7 — костяное пряслице, 8 — крышка берестяного теска с изображением якоря

отмученной глины (рис. 3). Диски, диаметром 0,12 и 0,13 м и толщиной до 0,04 м, имеют по центру круглое отверстие. Одни из них орнаментированы ямочными вдавлениями, другие — гладкие. Такие же диски и их обломки²⁰ найдены в нижнем ярусе горизонта «Д» Старой Ладogi, датируемом IX—X вв. Как сообщил мне Ю. И. Штакельберг, ему известен еще один экземпляр подобного диска из Шестовицких курганов. Судя по условиям находок аналогичных дисков в Швеции, Норвегии, Финляндии, Ю. И. Штакельберг убедительно предполагает, что они служили грузилами вертикального ткацкого станка²¹.

²⁰ Сб. «Старая Ладога», табл. IX, 22.

²¹ Устное сообщение Ю. И. Штакельберга, за которое выражаю ему свою признательность.

Так же как в Старой Ладоге, на Белоозере обнаружено много изделий из кости, к которым относятся кочедыки, гарпуны, иглы, ложки, гребни. Ложки плоские, ручки их иногда украшены резьбой. На тыльной стороне одной ложки вырезано изображение пляшущего человека. Гребни односторонние, орнаментированные насечками, как в Старой Ладоге²², или плетенкой с циркульным орнаментом, как в Киснемском могильнике на северном берегу Белого озера²³. В ряде случаев гребни найдены вместе с футлярами.

Наряду с костерезным делом были развиты обработка дерева и бересты. Берестяные туески и коробка были наиболее распространенным видом домашней утвари; их часто украшали геометрическим орнаментом. На крышке одного туеска процарапано изображение якоря (см. рис. 2, 8). Береста применялась, очевидно, и для изготовления обуви, так как при раскопках находили аккуратно нарезанные полоски бересты, а в слое начала XII в. — целый лапоть, изготовленный приемом косого переплетения, с низкими бортиками и без оборин. Заметим, что берестяные лапти — характерная особенность обуви велсов вплоть до начала XX в.²⁴

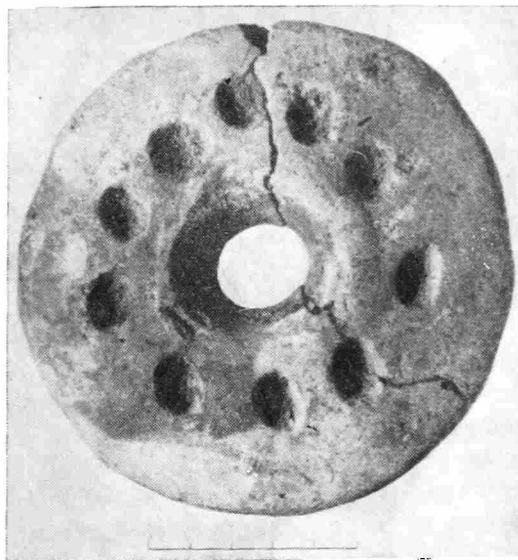

Рис. 3. Глиняное грузило для ткацкого станка

Раскопки поселений дают несравненно меньше сведений относительно одежды и характера украшений, чем раскопки погребений, но по некоторым, хотя и не полным данным можно предположить, что наряд белозерской веси в X — начале XI в. был сходен с тем, который установлен на материале приладожских курганов²⁵. В этом наряде (речь идет о женском костюме, этнографически более определенном) большое место занимали шумящие украшения. Форму для литья спиральных подвесок, найденную на Белоозере, можно рассматривать как доказательство того, что подобные подвески здесь не только изготавливали, но и носили. Литые спиральные подвески (их называют еще «восьмеркообразными» или «очковидными») — одно из характернейших украшений угро-финских племен X — начала XI в. от Приладожья до Прикамья (рис. 4, 4). Они ведут свое начало от проволочных спиралей ананьинской культуры. В могильниках Прикамья (Юмском, Кочергинском) и Поветлужья («Черемисское кладбище», Веселовский могильник) такие подвески (рис. 5, VIII), снабженные звенящими бронзовыми утиными лапками, служили украшением женской кожаной обуви. В Приладожье, где обычай пышно украшать обувь не имел распространения, спиральные подвески известны как поясное украшение²⁶.

²² Сб. «Старая Ладога», табл. VIII, 4.

²³ Л. А. Голубева. Могильник X — середины XI в. на Белом озере. СА, 1961, № 1, рис. 7.

²⁴ В. В. Пименов. Поездка к прионежским велсам. СЭ, 1957, № 13, стр. 162. Лапти так называемого северного типа, к которым относится белозерская находка, были распространены в прошлом в б. Вологодской и Архангельской губ. и у русского населения.

²⁵ Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья..., стр. 103.

²⁶ W. J. Raudonikas. Ук. соч., рис. 100a и 101. Комплекс VII из кургана XIV у дер. Новосельск Тихвинского р-на.

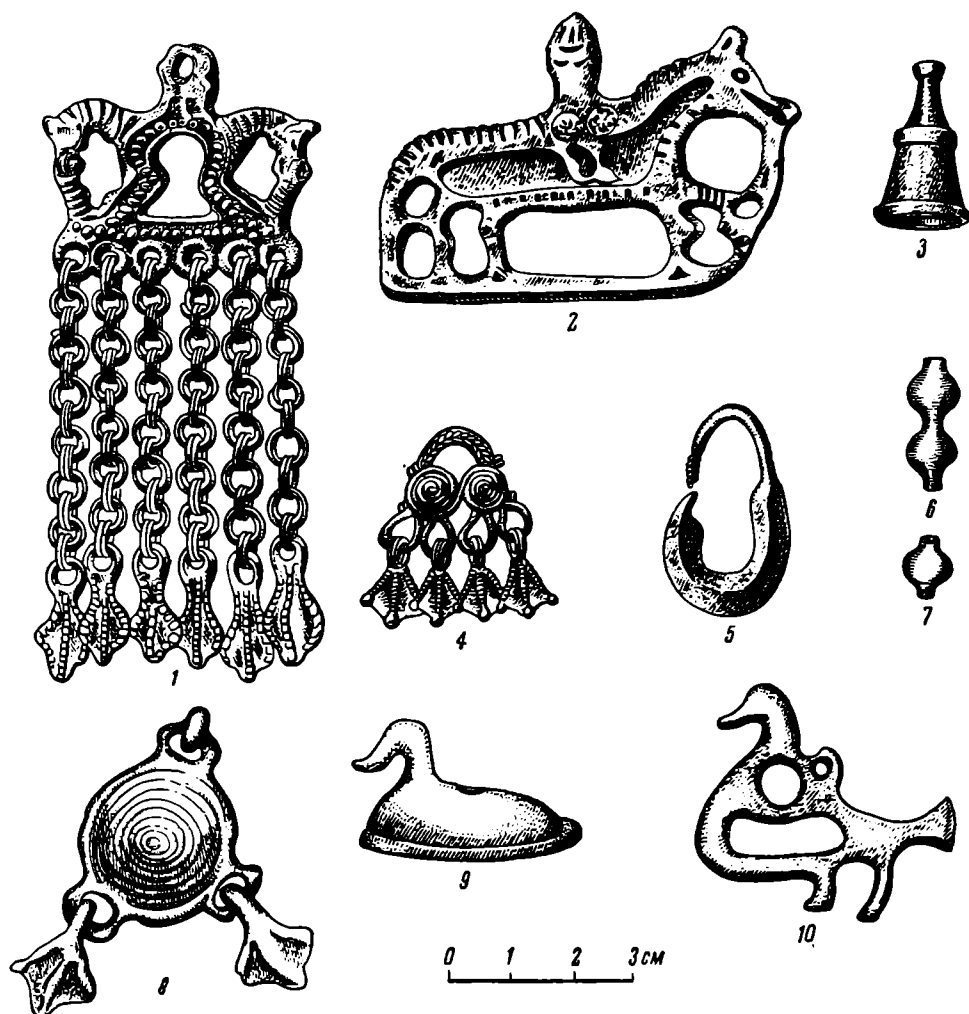

Рис. 4. Женские украшения X — середины XI в. (распространенные от Приладожья до Прикамья)

1 — коньковая подвеска; 2 — «всадница»; 3 — коническая подвеска; 4 — спиральная подвеска; 5 — калачевидная серьга; 6, 7 — пронизки; 8 — умбовидная подвеска; 9 — полая подвеска-уточка; 10 — ажурная подвеска-уточка

Впоследствии в Белоозерье спиральные подвески с крестиком носят в составе ожерелий вплоть до XII в. Подвески из кургана № 2 начала XII в., раскопанного А. В. Паниным на р. Суде в 1894 г., — полная аналогия подвеске, отливавшейся на Белоозере в конце X в.

Отдельные находки спиральных подвесок с крестом известны из курганов по р. Сорогоже²⁷, а также у радимичей и вятичей.

Спираль составляла основу многих других подвесок, популярных в угро-финской среде, — односпиральных, трехспиральных и многоспиральных в виде треугольника; последние Е. И. Горюнова считает характерными для мерян²⁸. На Белоозере найдена такая многоспиральная треугольная подвеска, выполненная в технике литья по восковой модели, совершенно сходная с подвесками X — начала XI в. из Михайловского могильника²⁹ и из Сарского городища³⁰. Многоспиральные подвески встречаются как в Приладожье, так и в Прикамье (рис. 5, X).

²⁷ Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 году. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 17 и табл. III, 7.

²⁸ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 98, рис. 40, 3; рис. 41.

²⁹ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, № 6, 1941, табл. III, 2.

³⁰ Е. И. Горюнова. Ук. соч., рис. 39, 3.

Большое значение в украшении женской одежды угро-финских племен имели так называемые коньковые подвески, отражавшие древний культ коня, «общий для всей огромной территории Волго-Камского бассейна»³¹. Коньковые подвески, сделанные из бронзовой плетеной проволоки, являлись этнографическим признаком мери X — середины XI в.³² В это же время на соседних территориях бытовали литые коньковые подвески, подражающие ажурным плетеным. Один экземпляр такой подвески найден на Белоозере в слое X в. (см. рис. 2, 5). Основание подвески украшено двойными спиралями, на цепочках висят уплощенные привески; верх обломан. Наиболее близкую аналогию белозерская подвеска имеет в парных коньковых подвесках из женского погребения № 12 Веселовского могильника, служивших нагрудным украшением³³. Некоторое сходство наблюдается и с подвеской из могильника из с. Городище, Переславского района³⁴.

Особое значение в costume приладожской веси, как и других финно-угорских племен, придавалось поясу. На узких ремешках или шерстяных шнурах, на которые нанизывались бронзовые бусы (рис. 3, 6, 7), к нему прикреплялись специальные подвески-обереги: уточки, коньки, просверленные клыки медведя и кости бобра (рис. 2, 3), а также конические привески. В раннем слое Белоозера были найдены бронзовые пронизки, конические привески (рис. 3, 3), бронзовые костыльки (рис. 2, 6) и поясные бляшки. В слое начала XII в. найдены стилизованные коньковые подвески. Поэтому можно предположить, что своеобразные литые подвески, изображающие парные конские головки прикамского типа (рис. 4, 1), найденные в Приладожье³⁵, могли в X в. носить и на Белоозере.

* * *

Об экономических и культурных связях Приладожья и Прикамья в X—XI вв., обусловленных этнической историей севера европейской части СССР, неоднократно упоминалось в литературе. Е. И. Горюнова подчеркнула большую роль в этих связях Сухоно-Вычегодского водного пути³⁶, отмеченного кладками и отдельными находками восточных монет (рис. 5, XV). Но путь Вычегда — Сухона ведет в Приладожье через Кубенское озеро и Шексну. Таким образом, Белозерье, географически и исторически близкое к Приладожью, являлось непосредственным связующим звеном между ним и Прикамьем. Центральное положение на водоразделе между водными системами Волги, Белого и Балтийского морей давало ему дополнительное преимущество перед широтным Сухоно-Вычегодским путем.

В X—XI вв. в Прикамье на базе древней металлургии меди сложился ряд центров, выпускавших на массовый рынок большое количество украшений, выполненных в технике литья. Одним из видов таких украшений являлись коньковые подвески. Ранние образцы их восходят к ломоватовской культуре³⁷, но расцвет производства и известная стандартизация образцов падает на X — середину XI в. Тогда же появляются коньковые подвески с сильно оттянутой петлей, которой иногда придавалось изображение человеческой головы (рис. 4, 2).

Область распространения литых коньковых подвесок очень обширна (рис. 5, XVII, XVIII). Самые восточные находки их известны из могиль-

³¹ Там же, стр. 140.

³² Там же, рис. 40 и 41.

³³ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Материалы к древней истории Поволжья. Горький, 1960, рис. 40.

³⁴ Е. И. Горюнова. Ук. соч., рис. 42, 2.

³⁵ Н. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895, табл. III, 6; W. J. Raudoņikas. Ук. соч., стр. 49, 50, рис. 29, 50. Коньковые подвески в кург. VI, компл. VIII, у дер. Заозерье найдены с дирхемом 922—923 гг.

³⁶ Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 150—152.

³⁷ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 181.

Рис. 5. Археологические памятники X — середины XI в. на территории веси и других племен

I — VII огнива с бронзовыми оковками разных типов (I — человек и две птицы; II — борющиеся медведи; III — всадники; IV — козел; V — неповторяющийся тип оковок; VI — стилизованные головы животных; VII — стилизованные головы животных с силуэтом ромба); VIII — спиральные подвески; IX — якоревидные подвески; X — шумящие подвески мерянских типов; XI — монетовидные подвески; XII — калачевидные серьги; XIII — подвеска «всадница»; XIV — умбонавидные подвески; XV — монеты IX—X вв.; XVI — монеты XI в.; XVII — коньковые подвески прикамского типа; XVIII — коньковые подвески с личиной.

1 — Челмужи; 2 — о. Кокорин; 3 — Петрозаводск; 4 — Большие Горы; 5, 6 — Видлица; 7 — Рабола; 8 — Гяттола; 9 — Шангиничя; 10 — Подьяндебское; 11 — Свирьстрой; 12 — Лодейное поле; 12а — Кузнецы; 13, 13а — Новинка; 14 — 16а — Карлуха; 17 — Мергино; 18 — 19а — Яровщина; 20 — Валданика; 21 — Кургино; 22 — Алеховщина; 22а — Винница; 23 — Рыбежна; 24 — Большая Нововесь; 25 — Новая; 26 — Дедово поле; 27 — Вихмес; 28 — Болдино; 29, 30 — Сязнига; 31 — выше дер. Шуковщины; 31а — ниже дер. Шуковщины; 32 — Костино; 33 — 33а — Подъелье; 33б — Кирилина; 34, 34а, б, — Вахрушева; 35 — Рыгачево; 36 — Вичугино; 36а — Винницкий район; 36б — Винница; 37 — Новосельск; 37а — Мозолево; 38 — Ильино; 39 — Заозерье; 39а — Залужик; 40 — Красная Заря; 41 — Новая Ладога; 41а — дер. Шахнова; 42 — Старая Ладога; 43 — ст. Волхов; 44 — ст. Мишкино; 45 — Ушаково; 46 — б. Ораниенбаумский уезд; 47 — Тяглино; 48 — Княщино; 49 — Шпаньково; 50 — Вырица; 51 — г. Новгород; 52 — Собачьи горбы; 53 — Новая Мельница; 54 — Потерпельцы; 55 — Шливское озеро; 56 — Шумилово; 57 — Семенов Городок; 57а — б. Старицкий уезд; 58 — Осташков; 59 — Подборовье; 60 — г. Демьянск; 61 — г. Торопец; 62 — Куштозеро; 63 — Болтинская; 64 — б. Валдайский уезд; 65 — Белоозеро; 66 — Дмитриевское; 67 — Панкино; 68 — Минино; 69 — Варнакушка; 70 — Митино; 71 — Степанова; 72 — Дудино; 73 — Белые Кресты; 74 — Кривые Луки; 75 — Пестовские курганы; 76 — Мотыли; 77 — р. Сорогожа, левый берег; 77а — р. Сорогожа, правый берег; 78 — Курово; 78а — левый берег р. Воячины. 79 — Николина Рень; 79а — Старая; 80 — Залужье; 81 — Кузнецкая; 82 — Зубаревские курганы; 83 — г. Мышкин; 84 — г. Углич; 84а — Посад; 85, 86 — Михайловский могильник; 87—88 — Темеревский могильник; 89 — Глинкина; 90 — монетные находки близ Ростова; 91 — монетные находки близ Переславля-Залесского; 92 — Осипова пустынь; 93 — Глухово; 94 — Каргополь; 95 — с. Благовещенское; 96 — Аксенова; 97 — Стрелецкая Слобода; 97а — В. Устюг; 98, 99 — г. Сыктывкар; 100 — Усть-Кулом; 101 — Чудской Городок; 102 — «Черемское кладбище»; 103 — Веселовский могильник; 104 — Юмский могильник; 104а — Лелецкий клад; 105 — Кочергинский могильник; 105а — Еманаевское городище; 106 — Лопьяльский могильник; 107 — Ижевское городище; 108 — г. Киров; 109 — Кушманское городище; 110 — Солдырьское городище и могильник; 111 — Донды-Кар; 112 — Довдинский клад; 113 — Омутницкий клад; 114 — Весья-Кар; 115 — Поркар Уханский; 116 — Ягошурский клад; 117 — Поломский могильник I; 118 — Богдановский клад; 119 — Рябиновский клад; 120 — Юксеевская волость; 121 — г. Чердын; 122 — Байдары; 123 — Малый Аняковский могильник; 124 — Ратеговский могильник; 125 — Редякорское городище; 126 — Кондратьева Слобода; 127 — Амбор; 128 — Нижнее Мошево; 129 — Плевхоский могильник; 130 — Соликаамк; 131 — Чаньвенская пещера; 132 — Баяновский могильник; 133 — пещера М. Вашкур; 134 — Веренино; 135 — Шудья-Кар; 136 — Афанасьево; 137 — Чажегова; 137а — Урынский могильник; 138 — Михалевский могильник; 139 — Елева; 140 — Пятигорский могильник; 140а — Кудесево; 141 — Гора; 141а — Мысовское городище; 141б — Гаинское; 142 — Харина; 142а — Агафоновский могильник; 143 — Шишигина; 144 — Пяньтежское; 145 — Тмивское городище; 145а — Урольское городище; 146 — Эсперово городище; 147 — Пожвинский могильник; 148 — Купрос; 149 — Загарьевский могильник; 150 — Федоровщина; 151 — Вакина; 152 — у впадения р. Вельвы в р. Иньву; 153 — Кудымкар; 154 — Мальцевский могильник и клад; 155 — Аюшкар; 156 — Зеленское городище; 157 — Онина; 158 — Рождественский могильник; 159 — Ильинское; 160 — Деменский могильник

ника IX — начала X в. «Барсов городок» на Оби³⁸. Они встречались неоднократно в городах Булгарского царства и в Башкирии, отдельные экземпляры их через Приладожье достигали Швеции. На Средней Мологи (Сорогожские курганы) такая подвеска найдена с дирхемами 971 и 975 гг.³⁹ На Вычегде, в окрестностях Сыктывкара, коньковая подвеска с личиной встречена с дирхемом 971 г.⁴⁰

Как и в Приладожье, так и в других местах коньковые подвески, происходящие из раскопок, найдены в женских погребениях, обычно у тазовых костей. Охранительный характер таких подвесок и связь их с культом коня и женского божества бесспорны. Б. А. Рыбаков считал, что коньковая подвеска с личиной, найденная в Приладожье, представляет собой занесенный славянами на север образ великой богини⁴¹. Вслед за ним это повторил В. А. Оборин⁴². Однако подвески с личиной являются лишь одним из вариантов литых коньковых подвесок и произ-

³⁸ Т. А г п е. Varsoff Corodok. Stockholm, 1935, табл. 93, 14.

³⁹ Отчет о раскопках Н. И. Репникова..., стр. 16.

⁴⁰ П. С. Савельев. Археологические поиски в окрестностях Усть-Сысольска. ЗАО, т. IV, СПб., 1852, стр. 123—124; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 652, № 22.

⁴¹ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1, стр. 100—101.

⁴² В. А. Оборин. К вопросу о ранних этапах проникновения русской культуры в Прикамье. Сб. «Из истории нашего края», Пермь, 1956, стр. 14, рис. 5, 6 на стр. 12

водились в Прикамье раньше, чем появились в Приладожье, и прежде, чем в Прикамье появились славяне.

В Приладожье они найдены в погребениях веси, в славянских памятниках такие подвески неизвестны. Они бытуют с определенным комплексом женских украшений и исчезают к концу XI в. Рождественский этап родановской культуры в Прикамье их уже не знает⁴³.

Как показали работы А. В. Збруевой⁴⁴ и А. П. Смирнова⁴⁵, образ женского божества с конем имеет в Прикамье глубокие местные корни. Подвеска, изображающая обнаженную женщину на коне, попирающем змея (рис. 3, 2), передает древний восточный сюжет. Такие подвески неоднократно найдены с монетами X в., а также вместе с коньковыми подвесками в составе клада⁴⁶.

Так же как и эти последние, они относятся к типу женских поясных украшений.

Подвески из Прикамья, из Веселовского могильника, из кургана № 6 у дер. Карлухи на Ояти и из кургана № LI, 1 на р. Сязниге сходны между собой. Экземпляры, найденные на р. Ваге у с. Аксенова, в Прионежье (у с. Видлицы) и в Ленинградской области (у Вырицы), (рис. 5, 13; см. также приложение), представляют собой другой вариант: они меньше по размерам, схематичнее, встречаются как в комплексах X в. (Вырица), так и с монетами середины XI в. Известен также самый поздний вариант таких подвесок, в которых фигура женщины исчезает, замененная петлей на спине коня⁴⁷.

В Рябиновском кладе женских украшений X в., в женском погребении № 8 Веселовского могильника и в комплексе находок из клада (?) или погребения у с. Аксеново на Ваге привески со всадницей найдены вместе с калачевидными серьгами. Как в Веселовском могильнике, так и в погребениях у дер. Вахрушевой и Рыгачево в Приладожье и в могиле № 1 на Вычегде найдено всего по одному экземпляру таких серег. Возможно, что их носили не как парное украшение, причем не только женщины, но и мужчины⁴⁸. Наиболее восточные и ранние находки таких серег сделаны в могильнике Барсов городок⁴⁹. Они отличаются особо крупными размерами.

Картографирование женских украшений прикамских типов — литых коньковых подвесок, «всадниц», калачевидных серег, а также умбоновидных (рис. 4, 8), монетовидных со знаком спирали⁵⁰ и якорьковых⁵¹ подвесок, сплошь и рядом совместно встречавшихся в погребальных комплексах, указывает на определенную идеологическую и культурную общность между весью и народами Прикамья. В славянскую среду эти украшения не проникали.

Назовем и некоторые другие предметы материальной культуры, подкрепляющие наше положение о существовании традиционных для веси связей с Прикамьем. На Белоозере известны псалии от удил с прямоугольным выступом (рис. 2, 1), совершенно сходные с псалиями из

⁴³ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 209.

⁴⁴ А. В. Збруева. Пермский всадник. ВДИ, 1950, № 1, стр. 205—211.

⁴⁵ А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 257; см. также М. Г. Худяков. Культ коня в Прикамье. ИГАИМК, № 100, 1933, стр. 260.

⁴⁶ Ф. А. Теплоухов. Древности Пермской Чуди в виде баснословных людей и животных. Сб. «Пермский край», Пермь, т. II, 1893, табл. III, 1.

⁴⁷ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье, ИГАИМК, вып. 94, 1934, табл. V, 3; Е. И. Горюнов а. Мерянский могильник на Рыбинском море..., рис. 77, 3.

⁴⁸ П. С. Савельев. Ук. соч. В могиле № 1, кроме серьги, найден дирхем 951—952 гг., две железные стрелы и медная пряжка.

⁴⁹ А. Агпе. Ук. соч., погр. 11 и 19; табл. III, 29 и 104, 47.

⁵⁰ В. И. Равдоникас. Памятники..., табл. X, 11; А. А. Спицын. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26, СПб., 1902, табл. XXIII, 14.

⁵¹ А. А. Спицын. Древности..., табл. XIII, 14, табл. XXXII, 9.

Прикамья, датированными А. А. Спицыным X в.⁵² Такие же псалии найдены в ряде погребений Поломского могильника⁵³ на р. Чепце.

Огнива местного производства, которыми пользовались в X в. на Белоозере и в Приладожье⁵⁴, представляли собой прямоугольную удлиненную пластину, один конец которой, суженный и изогнутый, привешивали к поясу. Судя по находкам в курганах на р. Суде, такие огнива сохранялись у белозерской веси и в XII в. Этот тип огнив, несомненно, заимствован весью из Прикамья, где он неоднократно встречен в погребениях Поломского могильника⁵⁵. Первые огнива с бронзовой оковкой, появившиеся в Приладожье в X в., также проникли сюда из Прикамья. Самые ранние огнива с оковкой в виде трапециевидной рамки известны из Загарьевского⁵⁶ и Поломского могильников. Огниво Поломского могильника снабжено конской головкой и петель для подвешивания; орнаментация его напоминает узор на коньковых подвесках⁵⁷.

Дата этих огнив — начало X в. Следующая группа огнив — с рукоятями в виде реалистически выполненных фигур медведей, ставших на дыбы и обхвативших друг друга лапами, — представлена самым ранним экземпляром из могильника Барсов городок⁵⁸. По времени за этой находкой следуют огнива из Приладожья (Подьяндебское, Валданика) и Прионежья (курган № 2 удер. Челмужи) (рис. 5, II; см также приложение), Мало-Аниковского могильника (рис. 6, 5) и др.

Чрезвычайно интересны огнива с рукоятями в виде козла с повернутой назад головой, фантастического животного в виде барса, обернувшегося назад и яростно кусающего собственный хвост, и сказочного крылатого зверя, встреченные только в Зауралье⁵⁹, Прикамье и Повеглужье (рис. 5, IV, V; приложение). Фигуры на этих оковках напоминают образцы западносибирского звериного стиля.

Самостоятельное место занимает группа огнив с оковками, изображающими двух птиц и стоящего между ними человека. Птицы в виде грифонов не терзают человека, а лишь касаются клювами его головы. Возможно, что в основе сюжета лежит восточный мотив, воплощенный в известных круглых подвесках X в. с изображением человека между двумя птицами⁶⁰. Все огнива с этими оковками найдены в Прикамье (рис. 5, I и приложение), в Повеглужье (рис. 6, 6) и только одно — в Киеве, в большом дружинном кургане с сожжением⁶¹. Эти огнива бытовали во второй половине X в.

Можно назвать еще одну группу огнив с оковками, на которых различимы головы зверей (медведей?), повернутые друг к другу. На наиболее ранних огнивах звериные морды изображены реалистически, подчеркнута густая шерсть на шее, торчащие уши (Поломский могильник, находка в Чердынском уезде: см. рис. 6, 7 и приложение). В более поздних экземплярах головы превращаются в симметричные выступы в верхней части оковки. Огнива этого типа наиболее многочисленны. Они из-

⁵² Там же, табл. XXV, 14; стр. 63.

⁵³ Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 606, №№ 22, 26. Поломские могильники (I и II) датируются VI—IX вв. [см. В. Ф. Генинг, В. Б. Стоянов. Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье). Вопросы археологии Урала, вып. I, Свердловск, 1961, стр. 87], но в них встречается несколько погребений начала X в.

⁵⁴ W. J. Raudonikas. Ук. соч., рис. 106.

⁵⁵ Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 606, № 830; МАЭ, кол. 1384, №№ 359, 452, 526.

⁵⁶ А. А. Спицын. Древности..., табл. XVIII, 5.

⁵⁷ МАЭ, кол. 1384, № 745.

⁵⁸ Т. Агпе. Ук. соч., погр. 29, табл. 112, 81.

⁵⁹ Там же, табл. 123, 136.

⁶⁰ Владимирские курганы с сожжением, Гнездовский клад 1868 г.; Швеция. См. Н. П. Журжина. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. СА, 1961, № 2, стр. 135, рис. 1, 4.

⁶¹ М. К. Каргер. Древний Киев. Л., 1958, рис. 39, 1, 2.

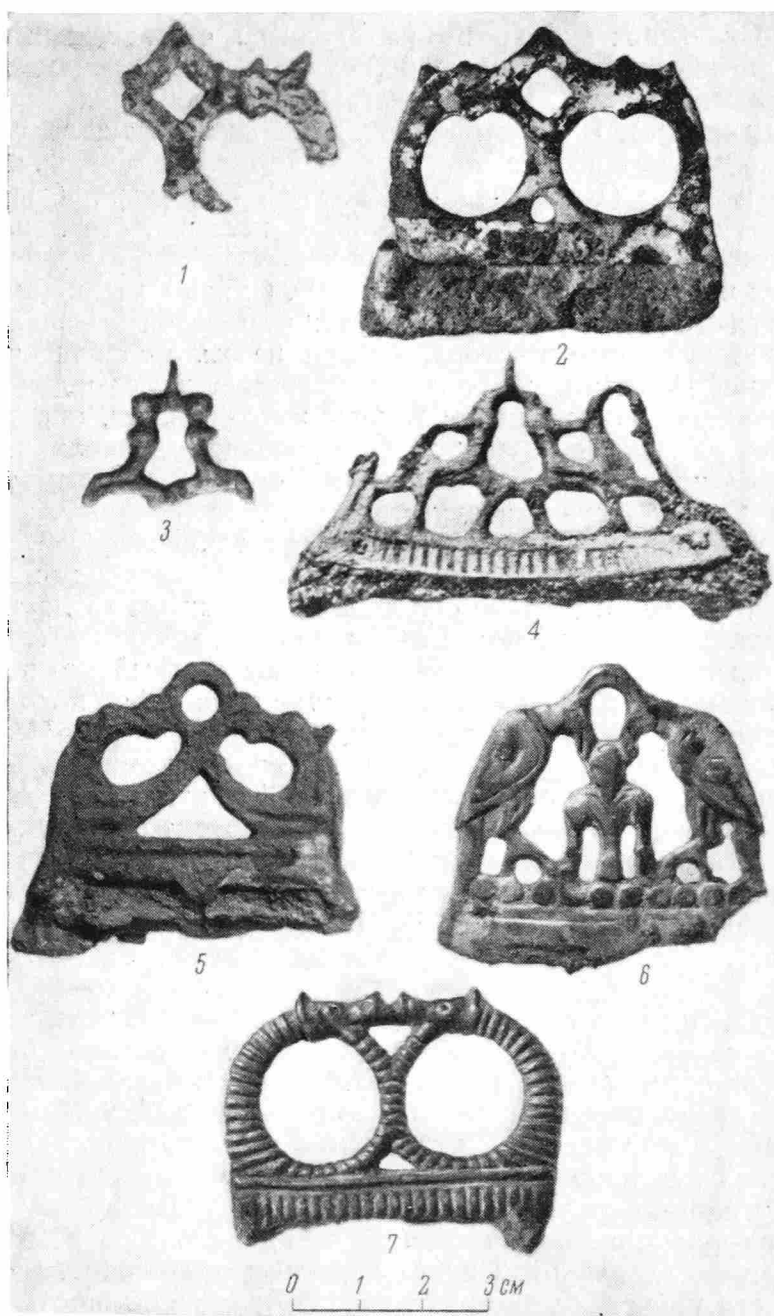

Рис. 6. Огнива с бронзовыми рукоятями

1 — часть оковки огнива с силуэтом ромба (Белоозеро, 1960 г.); 2 — огниво с силуэтом ромба (Финляндия); 3 — часть оковки огнива с изображением всадников (Белоозеро, 1960 г.); 4 — огниво с всадниками (Норвегия; по Петерсену); 5 — огниво с борющимися медведями (Малая Аникова, б. Чердынский уезд; ГИМ, инв. № 35711); 6 — огниво с изображением человека и двух птиц («Черемисское кладбище», погр. VI); 7 — огниво со стилизованными головами животных (б. Чердынский уезд Пермской губ.)

вестны от Прикамья до Приладожья (Яровщина) (рис. 5, VI и приложение); один экземпляр найден на жертвенном месте в Большеземельской тундре ⁶².

Следующая группа огнив имеет на оковках стилизованные головы зверей, раскрытые пасти которых, обращенные друг к другу, образуют силуэт ромба. А. П. Смирнов считал, что эти головы напоминают кон-

⁶² Г. А. Чернов. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. СА, XXIII, табл. V. 2.

ские; Я. В. Станкевич видела в них сходство с медвежьими. Огнива с силуэтом ромба представляют собой стандартизированную продукцию ремесленных мастерских. Они известны в погребениях Финляндии⁶³ и Швеции (Бирка⁶⁴). Из восьми огнив, найденных на территории СССР, пять происходят из курганов по Ояти (Карлуха, Валданика, Мергино, Яровщина) и Паше (Вахрушева), одно — из Белоозера (рис. 6, 1) и только два — из Прикамья. Б. А. Рыбаков полагал, что приладожские огнива с ромбом воспроизводят сюжет великой богини с двумя конями и относил их к северорусским древностям⁶⁵. Однако мы не можем оторвать этот тип огнив от других, вместе с которыми он бытовал в определенной этнической среде и которая отнюдь не была славянской.

У последней группы огнив оковка изображает двух всадников, повернутых в разные стороны, причем головы их сливаются, образуя петлю. Такие огнива найдены в дружинных погребениях Швеции (в Бирке⁶⁶ и Туне⁶⁷), в Финляндии. На территории Норвегии известно три подобных огнива⁶⁸. Я. Петерсен датирует их второй половиной X в. и считает, что они производились в Швеции. Шведские и норвежские огнива стандартны. На Белоозере найден обломок оковки такого огнива в слое конца X в. (рис. 6, 3). Другие образцы подобных огнив на территории СССР представляют собой более позднюю стилизацию сюжета со всадниками, переходящую впоследствии в орнаментальный мотив. Они производились в местных мастерских, и каждая находка не похожа на другую. Наиболее ранние из них происходят из Веселовского⁶⁹ и Гнездовского могильников⁷⁰, наиболее поздние — из Прикамья⁷¹.

Скандинавский импорт в Приладожье в X в. был значителен. На материале Белоозера он прослеживается гораздо слабее. Можно назвать гребни с вертикальными чертами на лопастях (рис. 7, 1) и хорошо отшлифованными зубьями. Такие гребни найдены в Швеции вместе с огнивом с изображением всадников⁷². Помимо Белоозера, подобные гребни известны в Михайловском могильнике, Старой Ладогге⁷³ и Пскове⁷⁴.

Бусы, найденные в слое X — начале XI в. на Белоозере, почти все сделаны из отрезков стеклянной трубочки и в огромном большинстве представляют собой лимонки всех видов (рис. 7, 6—9). Наряду с ними найдены бисер, мозаичные и глазчатые бусы (рис. 7, 2, 3, 5), немного сердоликовых и хрустальных. Состав бус соответствует набору бус из приладожских курганов. Как и там, они представляют собой ближневосточный импорт.

Подвеска-лунница из слоя конца X в. на Белоозере позволяет говорить о связи со славянами. Синий с росписью стеклянный браслет — византийского происхождения, так же как и грецкие орехи, найденные в этом же слое. Бронзовые подковообразные пряжки (рис. 2, 6) свидетельствуют о западнобалтийских связях.

⁶³ J. K. Aspelin. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, т. IV, Helsingfors, 1878, рис. 1379.

⁶⁴ Н. Аггман. *Birka. Die Gräber. Tafeln*. Stockholm, 1943, табл. 144, 2.

⁶⁵ Б. А. Рыбаков. *Ук. соч.*, стр. 102.

⁶⁶ Н. Аггман. *Ук. соч.*, т. I, табл. 144, 1, могила 776.

⁶⁷ Т. Агге. *Das bootgräberfeld von Tuna in Aliske. Uppland*. Stockholm, 1934, могила XI, табл. XVII, 1.

⁶⁸ J. Peterson. *Vikingertidens Redskaper*. Oslo, 1951, рис. 236.

⁶⁹ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. *Ук. соч.*, рис. 21, 13.

⁷⁰ В. И. Сизов. *Гнездовский могильник. МАР, № 28, СПб., 1902, табл. VII, 15.*

⁷¹ А. А. Спицын. *Древности...*, табл. XVIII, 1 (Кудымкарская волость); табл. XXXIX, 7, 22 (Рождественское городище и др.). Огниво, найденное на Пировом селище близ Вязников, датируется XI в. См. В. В. Седов. *Древнерусское поселение близ г. Вязники. КСИА АН СССР, вып. 85, 1961, рис. 37, 1, стр. 103.*

⁷² Т. Агге. *Das bootgräberfeld...*, табл. XVIII, 1, погр. XI.

⁷³ W. J. Raudonikas. *Ук. соч.*, рис. 9, с.

⁷⁴ Псковский исторический музей, кол. 2208, №№ 295, 325.

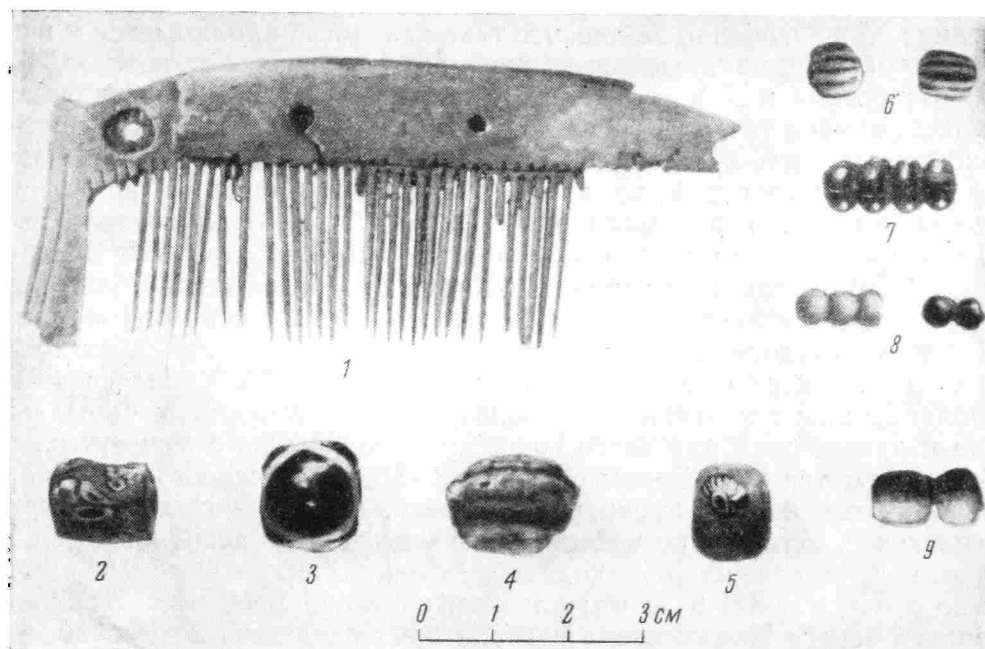

Рис. 7. Вещи из слоя X — начала XI в. на Белоозере

1 — костяной гребень; 2—9 — бусы

При раскопках Белоозера до сих пор не найдено монет. Однако в среднем течении Шексны известен клад дирхемов X в. (Панкино, под Череповцом), а отдельные монеты X в. встречались в погребениях по р. Колпи. Путь из Белоозера в Приладожье отмечен монетными находками XI в. в курганах по р. Суде, которая верховьем сближается с р. Оятью. Судя по значительному кладу монет XI в., на Кушт-озере, возможно, существовал и более северный путь на Оять. Вероятно, уже в X в. действовал и путь из Белого озера к Онежскому через Вытегру, но монетными находками он не обозначен. Самое большое число монетных находок и кладов, некоторые из которых имели более 13 000 монет (у дер. Вихмес), сделано в Приладожье, причем монеты XI в. здесь преобладали.

А. М. Тальгрэн, признавая существование самобытной «чудской» культуры Приладожья (древности вепсов на Белом озере ему не были известны), считал, что экономическая и культурная гегемония в этой среде принадлежала варягам. Он полагал, что колонии варягов в Ладогге, на Белом озере (см. карту на стр. 5 упомянутой работы А. М. Тальгрэна) были главным фактором экономического развития на севере России. Т. Арне и Н. Оберг говорили о массовой колонизации шведским населением этих областей. Норманская теория уже не раз подвергалась критике со стороны советских археологов. Уровень экономического развития местного общества был достаточно высоким, а распад патриархальных отношений способствовал тому, что варяжский импорт находил спрос в местной среде, удовлетворяя потребности дружинной знати в оружии и украшениях. Археологические памятники указывают на варягов — купцов, но не земледельцев. А. М. Тальгрэн явно недооценивал как уровень культуры местного населения, так и степень влияния Прикамья на весь в X в., а оно было значительным. Именно это влияние способствовало формированию той «чудской» местной культуры, о которой говорил Тальгрэн, ссылаясь на вещи из кургана Подъяндебского на Свири (кресало с медведями, гривна, поясные бляшки)⁷⁵.

Мы проследили черты сходства в хозяйстве, в материальной культуре и направлении экономических связей Приладожья и Белозерья в X —

⁷⁵ А. М. Tallgren. Ук. соч., стр. 19, рис. 13.

середине XI в. Особенно важно, что такое сходство наблюдается и в отношении керамики, являющейся важнейшим этническим признаком. Керамика Белоозера в X в.— лепная, ее основные формы представлены на рис. 8. Глиняное тесто имеет большую примесь дресвы, обжиг чаще неравномерный, чем хороший. Ознакомление с керамикой из Городища на р. Сясь⁷⁶, с посудой из кургана Верхняя Мандрога на Свири⁷⁷, а также с керамикой приладожских и прионежских курганов (Челмужи)⁷⁸ убеждает нас в том, что лепная посуда Приладожья и Белозерья как по формам, так и по технике изготовления чрезвычайно близка. Мы найдем также сходство лепной посуды Белоозера с керамикой горизонта Е Старой Ладogi⁷⁹. Так, все сосуды из этого горизонта, представленные на рис. 5 в работе Я. В. Станкевич, посвященной классификации старолadoжской керамики (за исключением круглодонных чаш), в том числе и древнейший для этого горизонта тип посуды с горизонтальным ребром, имеются и на Белом озере. Мы найдем также сходство в орнаментации этой посуды зубчатым штампом, в виде зигзага, строенных отпечатков⁸⁰, оттисков по венчику. Мне уже приходилось указывать, что лепная посуда, совершенно сходная с белозерской, сохраняется в курганах по р. Суде в XII в. и что для всего течения Шексны, а также для северного берега Белого озера⁸¹ характерна одна и та же посуда, впервые опубликованная П. А. Суховым, который назвал ее славянской⁸². П. Н. Третьяков⁸³ и Я. В. Станкевич⁸⁴ подтвердили положение П. А. Сухова.

Но форма славянских лепных горшков совсем другая; эти сосуды имеют вытянутые пропорции. Редко встречающийся зигзаговый орнамент нанесен обычно перевитой веревочкой или щепкой, а не зубчатым штампом⁸⁵. П. А. Сухов располагал небольшим количеством материала, полученным из разведывательных раскопок. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что древнейшая посуда всего бассейна Шексны неславянская. Она имеет много общего с широкогорлой посудой мери⁸⁶ и сходна с плоскодонными горшками из Веселовского могильника⁸⁷, но имеет свои особенности. В ее орнаментации мы найдем такие черты, которые роднят ее с прикамской керамикой, хотя форма последней чужда белозерской посуде. Так, на белозерской посуде встречены оттиски в форме подковки, нанесенные веревочкой, комбинация оттисков веревочки и твердого штампа; применение чеканов: рамочного (рис. 9, 4), ромбического, звездчатого (рис. 8, 4), круглого полого⁸⁸ (рис. 8, 5).

Если в Новгороде на Неревском раскопе обломки лепной посуды составляют ничтожную часть находок, а практически вся керамика в X в. изготовлялась на гончарном круге, то на Белоозере лепная посуда, гос-

⁷⁶ Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 1305, № 1.

⁷⁷ Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 881, № 22.

⁷⁸ Там же, кол. 1553, №№ 63, 79, 80.

⁷⁹ Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi. СА, XV, 1951, рис. 5.

⁸⁰ Там же, рис. 5, 9.

⁸¹ Л. А. Голубева. Могильник X—сер. XI в. на Белом озере, СА, 1961, № 1, стр. 211—214.

⁸² П. А. Сухов. Ук. соч., стр. 90.

⁸³ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 46—47.

⁸⁴ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья, табл. XV, 5, 8; табл. XXIII.

⁸⁵ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 33, табл. XXIII, 8 и 10.

⁸⁶ Е. И. Горюнова. Этнический состав..., рис. 59, 1, 2.

⁸⁷ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Ук. соч., рис. 33, 1, 2.

⁸⁸ А. П. Смирнов. Очерки..., табл. XLVIII, 1, 5, 15; табл. XLIX, 14; И. Г. Первухин. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. МАВГР, т. II, М., 1896, табл. VII, 15; табл. VIII, 4, 9, 10, 12, 20.

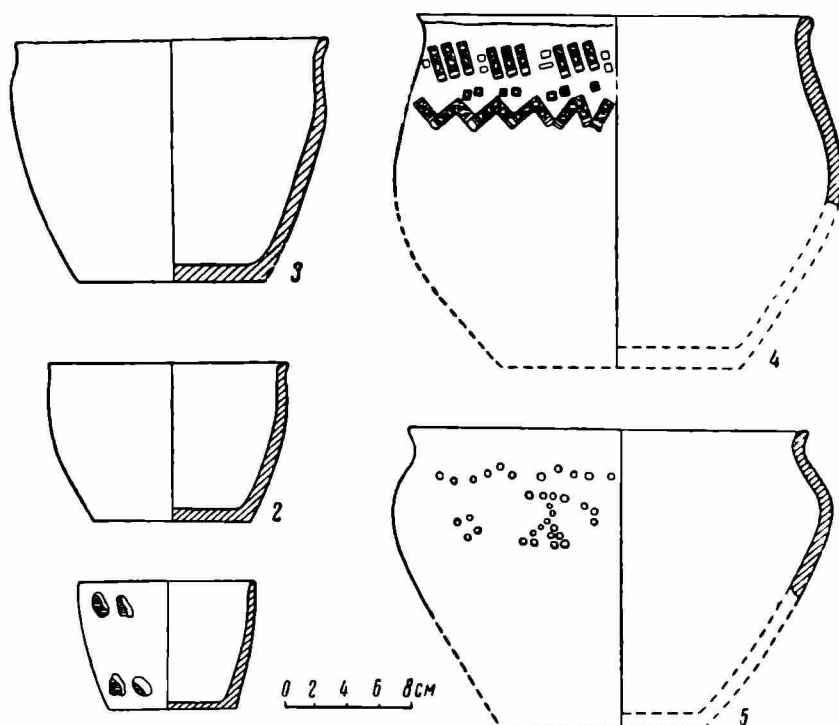

Рис. 8. Основные типы лепной посуды Белоозера

подствовавшая в X в., лишь постепенно уступала место круговой на протяжении всего XI в. Здесь мы наблюдаем переходные формы посуды и перенесение на круговую посуду привычных приемов орнаментации твердым штампом. Это обстоятельство, как и некоторые другие особенности в культуре городского населения Белоозера, представляют собой следы влияния веси, поглощенной славянами. К концу XI в. Белоозеро является уже типичным русским городом.

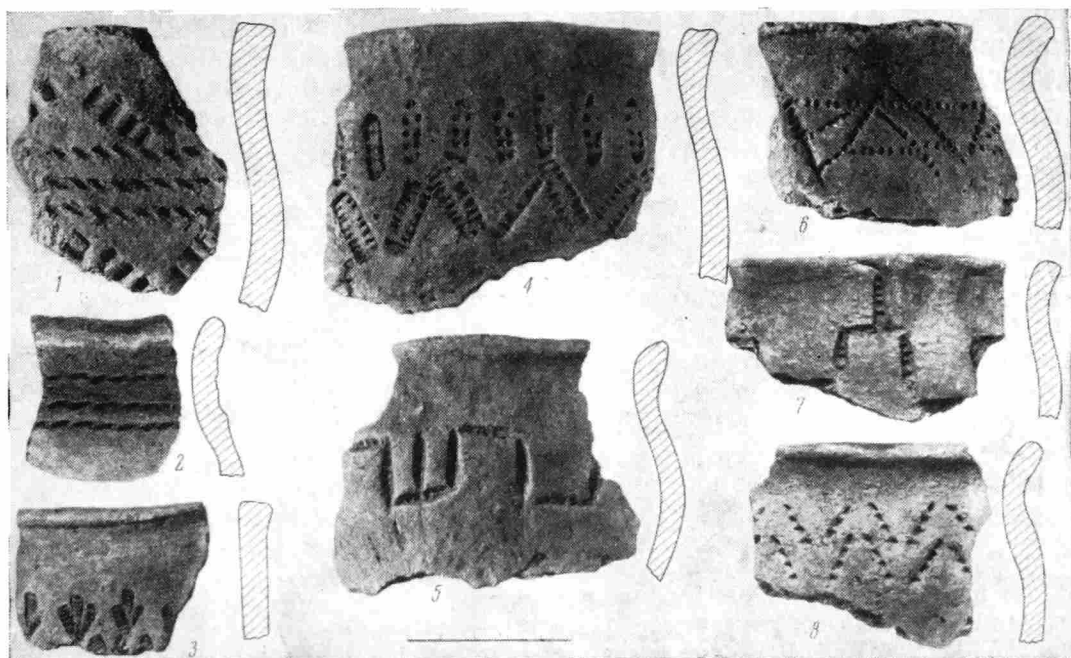

Рис. 9. Орнамент на лепной посуде из Белоозера

1 — оттиск зубчатым штампом и веревочкой; 2 — оттиск веревочкой; 3 — оттиск мелким зубчатым штампом; 4 — оттиск рамочным штампом; 5—8 — оттиски твердым зубчатым штампом

* * *

Обратимся теперь к погребальным памятникам Белозера, которые мы считаем возможным отнести к веси (рис. 10). Памятники, характеризующие наиболее ранние этапы славянской колонизации (сопки, курганы с трупосожжением, крупные курганные группы, насчитывающие по 200—100 насыпей), сосредоточены на Мологе, в верховьях Кобожи, Чагодоши и по течению Колпи. В нижнем течении Кобожи, Чагодоши и Суды курганные группы малочисленны, а сопок почти нет. Нет их и по всему течению Шексны. На основании разведывательных раскопок сопкообразных возвышенностей в верхнем течении Шексны, отмеченных на археологической карте Вологодской области у деревень Бутаково⁸⁹ и Емельяновской⁹⁰, можно предполагать естественное происхождение этих всхолмлений. К такому же выводу склонялись А. А. Спицын и П. А. Сухов в отношении знаменитого кургана Синеуса под г. Белозерском.

Значительная часть «курганов», нанесенных на археологическую карту Вологодской области по течению Шексны, представляет собой жальники, в чем нас убедила разведка в дер. Бор, Белозерского района, в 1960 г. Таким образом, замечание П. А. Сухова о том, что славяне проникали на Шексну, очевидно, в такое время, когда обычай возводить сопки сменился уже другой погребальной обрядностью, т. е. не ранее X в., следует признать справедливым.

Вероятно, первые славянские поселенцы освоили раньше всего территорию по течению Шексны, удобную для земледелия область между Белым и Кубенским озерами, где проходил волок на Сухону и северное побережье Белого озера, где пролегал путь на Северную Двину⁹¹.

В районе волока с Шексны на Сухону зарегистрированы три небольшие курганные группы, но они не раскапывались. Курганы X — середины XI в. на северном берегу Белого озера были погребениями веси, уже принявшей славянский обычай захоронения покойников в гробу, головой на запад (правда, с некоторыми отклонениями). Характерной чертой, по которой эти погребения оказались возможным отнести к веси, был обильный погребальный инвентарь, сходный с инвентарем приладожских курганов⁹². Раскопанная на западном берегу озера курганная группа у дер. Болтинской дала несколько славянских погребений с монетами XI в. Но в нижнем течении Шексны, у дер. Минино (на р. Юг), мы уже встречаемся с курганным захоронением, где сохранена южная ориентировка погребений, типичная для приладожской веси. В богатом погребальном инвентаре видное место занимает ажурная литая фибула (рис. 11), аналогичная фибулам из кургана № 2 у дер. Винницы на Ояти и фибулам из Подболотьевского и Максимовского могильников. Дата погребения — конец X — начало XI в.

Лучше всего погребальные памятники веси сохранились по р. Суде. Близость к р. Ояти, с которой Суда сближается в своих истоках, объясняет и пути их распространения. Я имею в виду курганы, раскопанные в 1894 г. А. В. Паниным в двух курганных группах у деревень Митино и Зворыкино, б. Белозерского уезда⁹³. Скелеты лежали на угольной

⁸⁹ М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 129 и 131.

⁹⁰ Разведка Т. В. Равдиной у дер. Бутаковой в 1960 г. Разведка Н. В. Тухтиной у дер. Емельяновской в 1961 г. Устное сообщение Н. В. Тухтиной.

⁹¹ Л. А. Голубева. Славянские памятники на Белом озере, стр. 36—38.

⁹² Л. А. Голубева. Могильник X — сер. XI в. на Белом озере, стр. 213.

⁹³ А. А. Спицын по южной ориентировке погребений отнес их к мерянской культуре (см. А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда..., стр. 160—162).

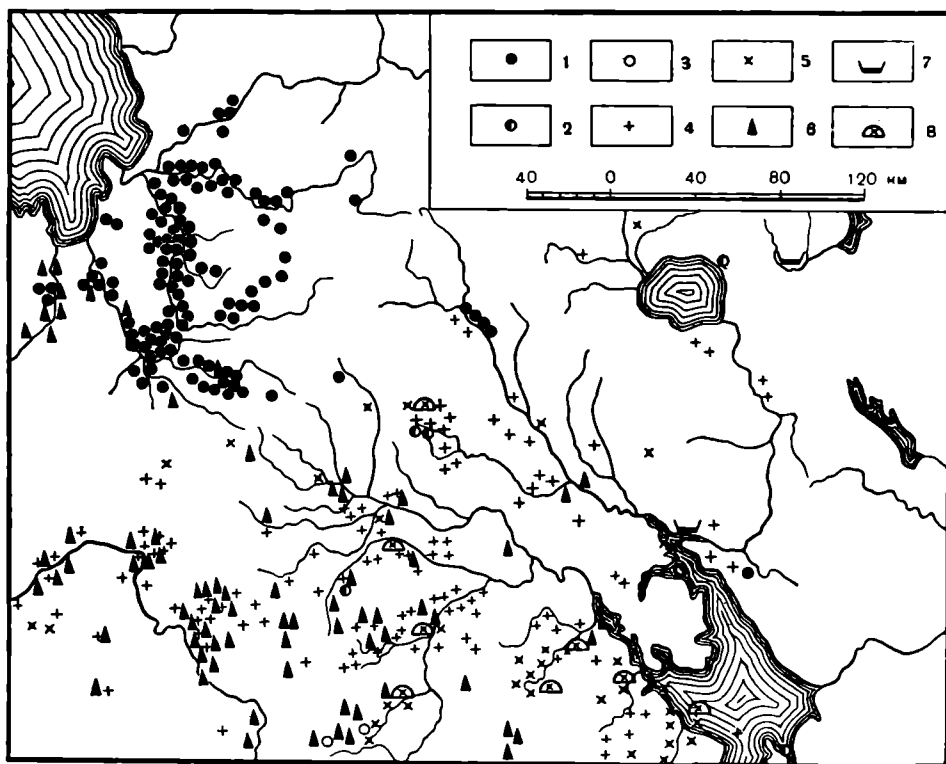

Рис. 10. Погребальные памятники веси и славян

1 — курганы с южной ориентировкой погребений (для Приладожья в эту группу включены и курганы с очагами и трупосожжениями); 2 — курганы с неустойчивой ориентировкой погребений; 3 — курганы с северной ориентировкой погребений; 4 — славянские курганы и жальники неисследованные, 5 — раскопанные курганы с западной ориентировкой погребений; 6 — сопки; 7 — курганы с трупосожжениями в бассейне Шексны и Мологи; 8 — грунтовые погребения

прослойке в подошве насыпи, головой на юг. В мужском погребении был топор, два наконечника стрелы (ромбовидный и листовидный), огниво в виде узкой пластинки с ушком, браслет разомкнутый, круглопроволочный, нож, «грубый горшок с углями». В трех женских погребениях были найдены височные проволочные кольца разных размеров, гривны⁹⁴ (рис. 12, 8), браслеты пластинчатые массивные с змеиными головками, круглопроволочные разомкнутые и проволочные витые с завязанными концами, односторонние костяные гребни, перстни рубчатые, пряжки (рис. 12, 28, 30). В составе ожерелий — бусы из глухого стекла типа бисера и крупнее, бубенчики и бронзовые двойные пронизки (рис. 12, 27).

В качестве привесок к ожерелью были найдены две монеты XI в. (города Базеля и Кельнская, архиепископа Пилигрима) и две подвески в виде монет.

Наибольший интерес представляет состав украшений женского погребения (№ 1) второй курганной группы. Помимо зонных бус из глухого стекла, на нити ожерелья были продеты 12 проволочных колечек диаметром около 1,8 см; у семи из них концы заходят друг за друга, а у пяти один из концов образует петлю, изогнутую по половине окружности кольца (рис. 12, 4, 7). Большой интерес представляет также набор подвесок к этому ожерелью, состоявший из трех лунниц, одной крестопрорезной подвески, шести круглых образков с Успением и трех четырехугольных с изображением Николая Чудотворца, образка с грубым изо-

⁹⁴ Фотография женских украшений из раскопок А. В. Панина публикуется впервые. Фотоархив ЛОИА АН СССР, IV, 1561.

бражением богоматери и 15 крестиков шести разных типов (рис. 12, 10—11, 13—26).

Лунницы, образки с Успением и Николаем и крестики двух типов отлиты в пяти литейных формах. К набору христианских образков в этом ожерелье были присоединены 13 подвесок, также литых в одной форме и представляющих собой спиральную подвеску с крестиком.

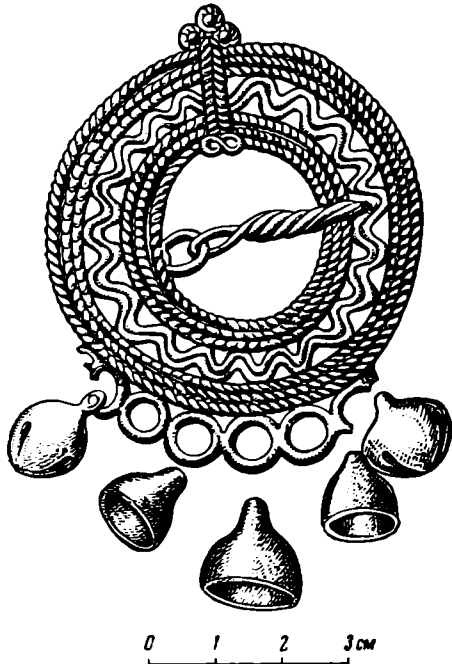

Рис. 11. Фибула из женского погребения у дер. Минино, Мяксинского р-на, Вологодской области

Столь большое количество разнообразных образков и крестов в одном ожерелье заставляет предполагать, что им придавалось значение украшений, а вовсе не христианских символов. Это подтверждает наличие уже знакомой нам по литейной форме из Белоозера спиральной подвески с крестиком. Как видим, традиции производства таких подвесок в Белоозерье оказались очень устойчивыми.

На поясных костях скелета женщины было найдено пять подвесок (рис. 12, 9, 12): «конек обыкновенный», плоская ажурная подвеска в виде петушка, стилизованная коньковая подвеска и две подвески-уточка (рис. 12, 1, 3). Подвески в виде конька и петушка принадлежат к числу широко распространенных. Фигурка полой уточки (рис. 12, 3) повторяет сложившийся в Приладожье в X—XII вв. тип украшений (см. рис. 4, 9). Другая фигурка близка к поздним приладожским подвескам

XI—XII вв. Что касается стилизованной коньковой подвески (рис. 12, 5), то в свете сказанного выше о коньковых подвесках X—XI вв. мы не можем не признать в этих украшениях определенную связь. Ареал их имеет свои особенности. Так, их, по-видимому, очень мало в Прикамье, хотя отдельные находки известны⁹⁵. Их нет в Приладожье. Экземпляр, близкий к судской подвеске, происходит из славянского курганного погребения XII в. у дер. Мозолево на р. Воложке⁹⁶. Такого же рисунка подвески, как на Суде, найдены в могильнике XI—XII вв. на Рыбинском водохранилище⁹⁷ и в женском погребении XII в. у дер. Погостище, Кирилловского района, Вологодской области. На Белоозере в слое начала XII в. найдены две подвески (рис. 13), представляющие собой по сравнению с судской находкой два других варианта стилизованных коньковых подвесок. В одном из них можно видеть переданный весьма условно мотив человеческой фигурки между двумя изображениями коней (рис. 13, 1). Такая же подвеска, отлитая в одной форме с белоозерской, найдена в 1929 г. на р. Суде⁹⁸. Очевидно, эти три варианта стилизованных коньковых подвесок были одинаково популярны среди местных ремесленников, так как все они представлены, например, в составе клада (?!), происходящего с Васильевского городища у с. Воскресенского, б. Шенкурского уезда, Вологодской губ., на р. Ваге⁹⁹. Производ-

⁹⁵ ГИМ, инв. № 35106. Чердынский уезд.

⁹⁶ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи феодализма..., табл. XVIII, 5.

⁹⁷ Е. И. Горюнов а. Мерянский могильник на Рыбинском море, стр. 157, рис. 71, 12.

⁹⁸ МАЭ, кол. 6012, № 20.

⁹⁹ А. С п и ц ы н. Археологический альбом, рис. 38—40.

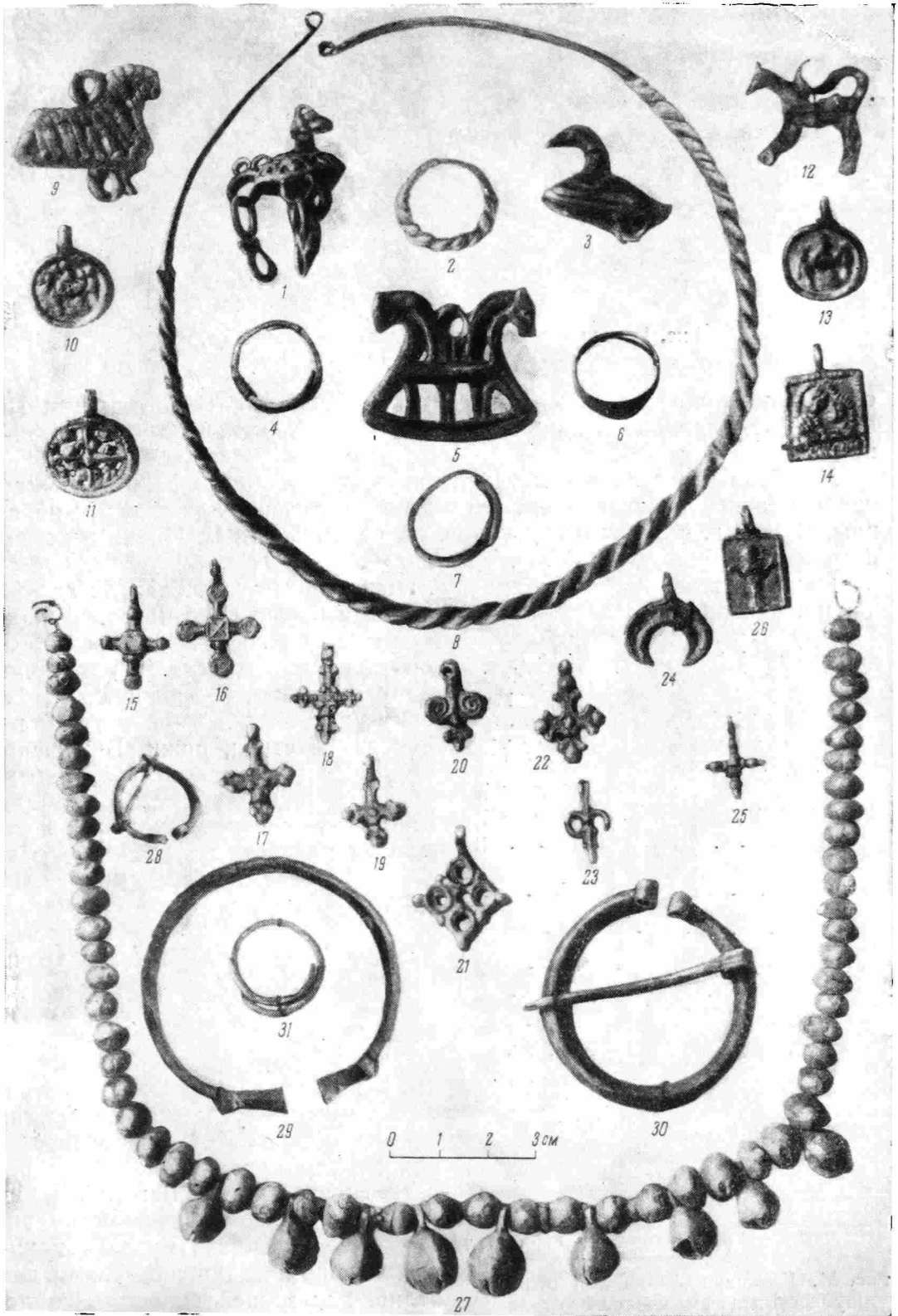

Рис. 12. Вещи из курганов у д. д. Митино и Зворыкино на р. Суде
 1—26— из кургана № 1 второй группы; 27—29 — из кургана № 3 первой группы; 30, 31 — из кургана
 № 4 первой группы

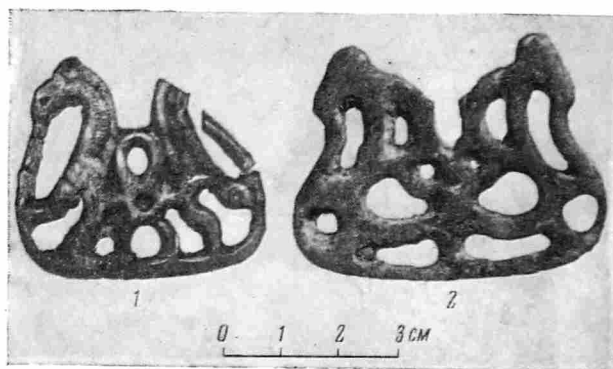

Рис. 13. Стилизованные коньковые подвески XII в. из Белоозера

ство таких подвесок, вероятно, сосредоточивалось в Костромском Поволжье, где найдено и наибольшее количество вариантов этих украшений¹⁰⁰.

На Суде известно еще несколько курганных погребений с южной ориентировкой и инвентарем, близким к поздним приладожским курганам. В 1960 г. в 200 м от курганов, раскопанных А. В. Паниным, такие погребения обнаружила Н. В. Тухтина¹⁰¹.

Ниже по течению Суды близ дер. Пожарищи, у хут. Стан, Г. П. Гроздилов раскопал в 1929 г. пять курганов с погребениями на материке.

Одни погребения имели западную ориентировку, другие (и в том числе одно женское) — южную. В мужских погребениях были топоры, наконечники стрел, ножи. В женском погребении головной убор носил уже славянский характер (браслетообразные височные кольца), а пояс был украшен по древнему обычаю подвесками-оберегами: полый фигуркой утки, уже упоминавшейся стилизованной коньковой подвеской и просверленным волчьим клыком¹⁰².

По притоку р. Суды, р. Колпи, Н. В. Тухтиной открыт ряд курганных погребений, которые по неустойчивой ориентировке и погребальному инвентарю также можно связать с всей¹⁰³. При обследовании группы курганов на левом берегу Колпи, у дер. Верхний Двор, Заэрапского сельсовета, сотрудниками Череповецкого музея обнаружено копье и сланцевая форма для отливки шумящей подвески, аналогичной найденным (рис. 14) во Вла-

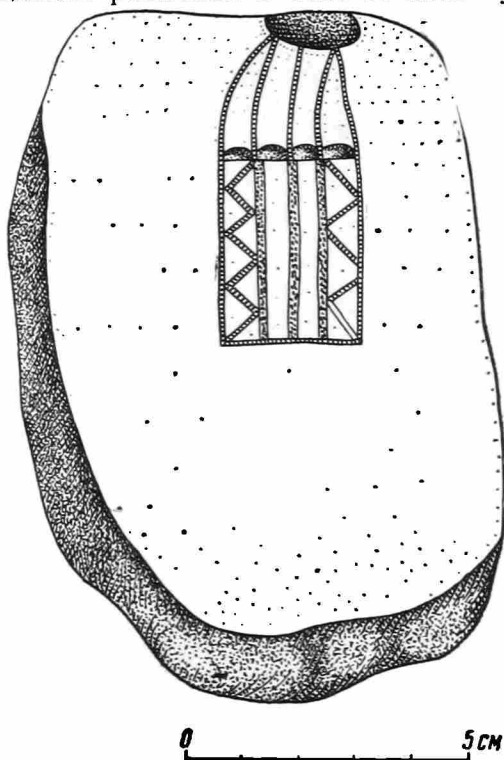

Рис. 14. Каменная форма для отливки шумящей подвески мерянского типа

¹⁰⁰ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. МАВГР, т. III, табл. 5, 17—20; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, табл. II, 15, 16.

¹⁰¹ Н. В. Тухтина. Отчет о работе Белоозерской экспедиции ГИМ в 1960 г. Архив ИА АН СССР, р. 1/2180.

¹⁰² Г. П. Гроздилов. Археологические памятники IX—XIII вв. в Белоозерье. Рукопись. Устюженский музей, ф. 7, д. № 9.

¹⁰³ Н. В. Тухтина. Ук. соч.

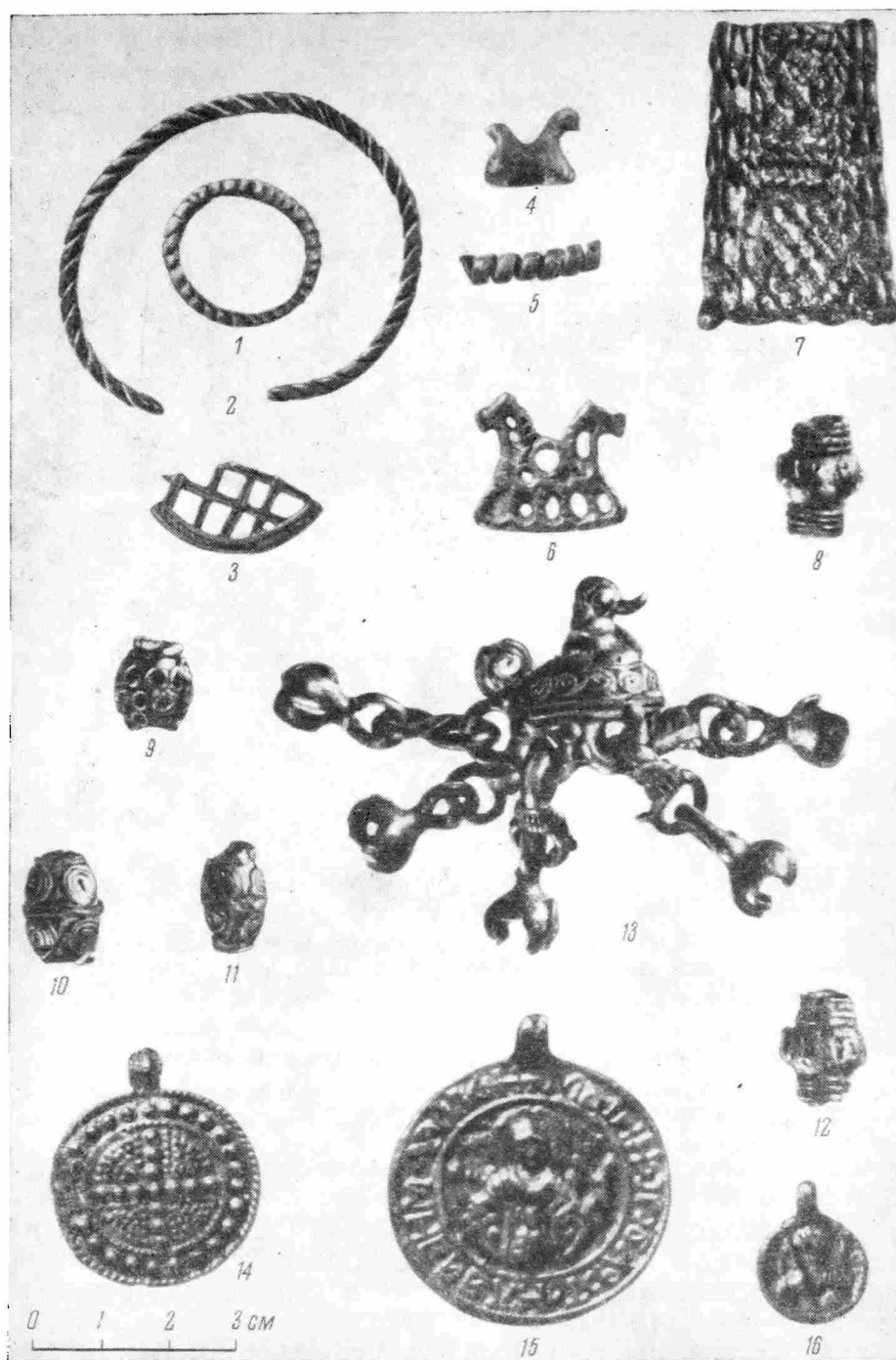

Рис. 15. Вещи из женского погребения у дер. Погостище

1 — перстень; 2 — браслет; 3 — косорешетчатая подвеска; 4 — костяная подвеска; 5 — спиральная пронизка; 6 — стилизованная коньковая подвеска; 7 — средник к ожерелью; 8—12 — бронзовые бусы; 13 — подвеска-уточка; 14 — медальон; 15, 16 — образки

димирских курганах¹⁰⁴. Памятники веси, применявшей курганный обряд погребения, могут быть выявлены в значительном количестве, так как курганные группы по Суде и Колпи еще не исследованы. В верхнем течении притоков Мологи — Кобожи и Сорогожи, освоенным славянским населением издавна, также обнаруживаются островки неславянского населения, хоронившего своих покойников головой на юго-запад, северо-запад

¹⁰⁴ КОПИ ИА АН СССР; А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, рис. 429.

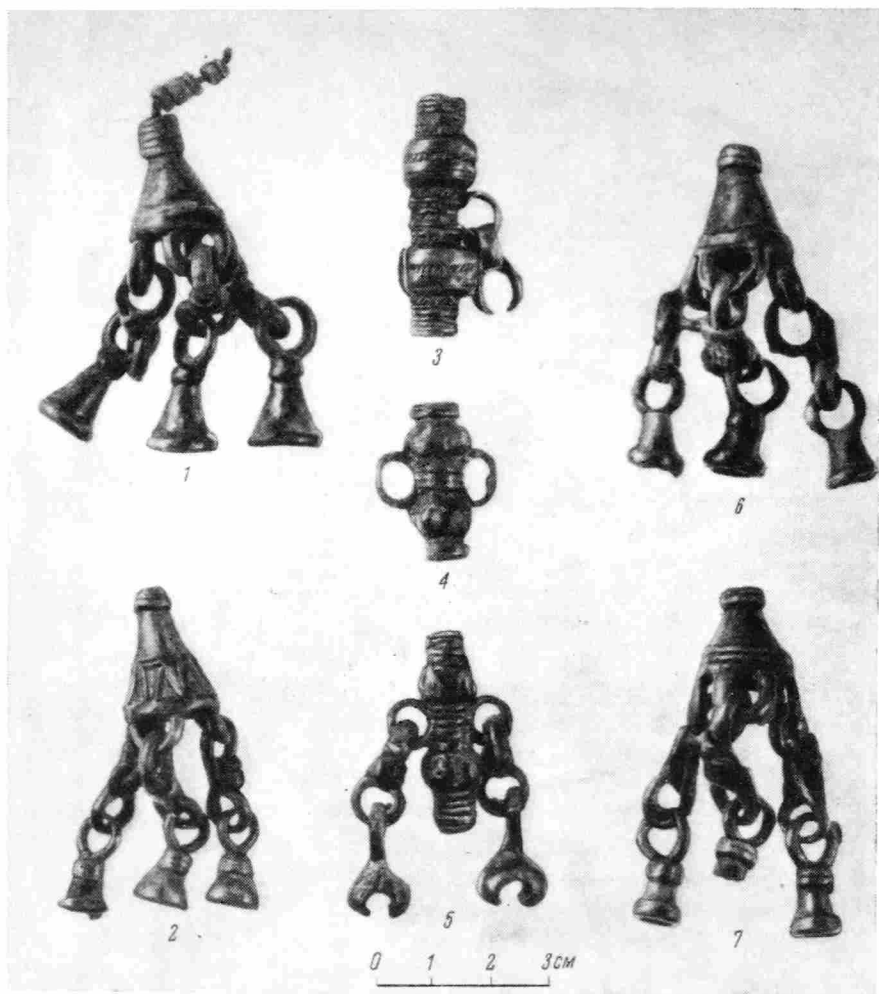

Рис. 16. Вещи из женского погребения у дер. Погостище

1, 2, 6, 7 — конусовидные шумящие подвески; 3—5 — цилиндрические провизки со вздуттями и шумящими привесками

и север. Этническая принадлежность захороненных пока неясна. Курганные погребения веси, обнаруженные по Суде и Колпи, — поздние, одни одновременны поздним курганным погребениям Приладожья и, как последние, содержат уже значительное число славянских украшений. Как хоронила своих покойных приладожская и белозерская весь до X в., остается пока неизвестным.

Вероятно, захоронение производилось в грунтовых могильниках, которые сохранились у белозерской веси и в XII в. Один такой могильник открыт в 1956 г. А. А. Алексеевой у дер. Торово, под Череповцом. При погребенных, ориентировку которых трудно установить, так как костяки были размыты водой, найдены литые трехбусинные височные кольца, проволоочные кольца, загнутые в петлю (как в Судских курганах), мелкие бусы, обломки бубенчиков.

Второй могильник открыл в 1959 г. А. Я. Брюсов в дер. Погостище, Кирилловского района, Вологодской области¹⁰⁵. Женский костяк лежал головой на восток в грунтовой могиле, где сохранились тлен от гроба и гвозди. За затылком скелета лежали круглые образки с ушками (7 экз.) и два змеевика, превращенные в подвески к головному убору (рис. 15,

¹⁰⁵ А. Я. Брюсов. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1959 г. Архив ИВ АН СССР, р. I, № 2066. Приношу благодарность А. Я. Брюсову за разрешение опубликовать это погребение.

15, 16). На груди найдены бронзовые бусы и подвески к ожерелью, среди которых: ажурная косорешетчатая (рис. 15, 3), литая с выпуклым изображением креста (рис. 15, 14), средник к ожерелью на шесть нитей (рис. 15, 7). В составе ожерелья были спиральки (18 экз.) и мелкие колечки (всего 243 экз.), располагавшиеся отдельными скоплениями не только на груди, но и в области пояса и ниже тазовых костей. В состав нагрудных украшений входили также четыре конических и восемь цилиндрических со вздутиями шумящих подвесок (рис. 16), стилизованная коньковая подвеска (рис. 15, 6) и костяная подвеска с двумя конскими головками (рис. 15, 4), а также массивная подвеска-уточка (рис. 15, 13). На правой руке были бронзовый ложновитой браслет, кольцо; у пояса — нож.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что в XII в. среди сельского населения Белозерского края существовали поселения веси, сохранявшей свои древние языческие верования, погребальные обычаи и костюм, несмотря на влияние, оказанное на нее окружающей славянской средой.

В Судских курганах это влияние ощущается сильнее; в Погостище заметна связь с культурой Костромского Поволжья, этнически близкой веси. Местной, белозерской особенностью женских украшений веси этого времени следует признать спиральные подвески с крестом, проволочные кольца с петлеобразно загнутыми концами в составе ожерелья, литые височные кольца, стилизованные коньковые подвески. К этим украшениям следует присоединить еще литые височные кольца, конец которых оформлен в виде головы лося (?) (рис. 17). Такие кольца найдены в погребении начала XI в. в Киснемском могильнике и в культурном слое Белоозера XIII в.

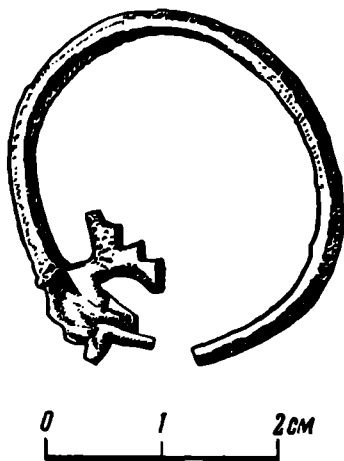

Рис. 17. Височное кольцо из Белоозера. XIII в.

ПРИЛОЖЕНИЕ (к рисунку 5)

1 — Г. П. Гроздилов. Курганы у д. Челмужи. Археологический сборник. Петрозаводск, 1947, стр. 111—113, кург. 2, погр. 1, 2, 3; монеты XI в. в кург. 5; 2 — В. И. Равдоникас. Скандинавские находки в курганах Прионежья. ПИДО, № 9—10, 1934, стр. 170—171; 3 — А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910, № 158; 4 — В. И. Равдоникас. Памятники..., стр. 19—20, кург. 4; 5 — там же, стр. 14—15, кург. 3; 6 — там же, стр. 18, кург. 8; 7 — там же, стр. 12, кург. 4; 8 — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 52, кург. VI; стр. 68, кург. XIV; 9 — А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Ояти Ленинградской области в 1948 г. Архив ИА АН СССР, № 258, кург. 3, с монетами XI в.; 10 — А. М. Tallgren. Ук. соч., рис. 13; 11 — данные В. М. Потина 12 — данные В. М. Потина; 12a — Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 3, кург. III; 13 — А. М. Линевский. Отчет об исследовании курганов X—XI вв. на р. Ояти Ленинградской области в 1947 г. Архив ИА АН СССР, № 154, кург. 4; 13a — Л. Н. Целеппи. Отчет о раскопках курганов на р. Сясь в 1907 г. Дело АК, № 62 за 1907 г. Архив ЛОИА АН СССР, кург. 2, дирхем 914—943 гг.; 14 — В. И. Равдоникас. Памятники..., кург. 17; стр. 33—34, табл. XII, 5; 15 — там же, стр. 30, табл. IX, 3, кург. 6; 16 — там же, стр. 31, кург. 7, стр. 33, кург. 12; 16a — там же, стр. 32, кург. 9, табл. X, 11; 17 — А. М. Линевский. Отчет о раскопках... в 1948 г., кург. 10; 18 — В. И. Равдоникас. Памятники..., кург. 7, стр. 22, табл. VIII, 10; 19 — А. М. Линевский. Отчет о раскопках... в 1948 г., стр. 43; 19a — Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья IX—XIII вв. Рукопись, стр. 133. Яровщина кург. 6, погр. 11; 20 — J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, т. III, Helsingfors, 1878, рис. 1115, 1119; 21 — В. И. Равдоникас. Памятники..., стр. 24, кург. 5; 22 — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 55, кург. 1; 22a — Я. В. Станкевич. Хронологическая классификация... рукопись, кург. 2, стр. 133—134; 23 — Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 4, кург. XVII, 2; ХС, 1; 24 — там же, кург. XXV; 25 — там же, стр. 4, кург. XXXII, 3; 26 — данные В. М. Потина; 27 — В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. табл. II; 28 — Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., ст. 103;

29 — там же, кург. LI, 1, табл. III, 2; 30 — там же, стр. 3—4, кург. XLVII, 2, 3, 5; LIX, LXI, 1; 31 — там же, стр. 4, кург. XLIV, 2; 31a — там же, стр. 4, кург. LIV, LV, LVII; 32 — там же, стр. 3; 33 — там же, стр. 3, кург. CIV, 1; 33a — там же, кург. CIII, табл. III, 6; 33б — там же, стр. 4, кург. XC, XCIII; 34 — там же, кург. CXV, 1, табл. III, 23; 34a — там же, стр. 3, кург. CXVII, погр. 2, 4 и погр. 11, табл. IV, 1; 35 — там же, кург. IV, 1; 36 — данные В. М. Потина; 36a — А. М. Линевский. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти, в Ленинградской области в 1949 г. Архив ИА АН СССР, № 400, кург. 2; 37 — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 73, 77, 78, рис. 100a, 101; кург. 14, комплекс VII; 37a — В. И. Равдоникас. Памятники..., стр. 51, кург. 9; 38 — данные В. М. Потина; 39 — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 40—49, рис. 50; 39a — данные В. М. Потина; 40 — В. И. Равдоникас. Памятники..., стр. 41—45, кург. 12, 14 — с монетами X в.; кург. 8, 16, 20 — с монетами сер. XI в.; 41 — А. К. Марков. Ук. соч., № 173; 41a — Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 3; кург. CXVIII, 1; 42 — А. К. Марков. Ук. соч., №№ 178, 181, 186, 187; стр. 40, № 24; В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 75; 43 — данные В. М. Потина; 44 — ОАК за 1904 г., СПб., 1907, стр. 109; 45 — данные В. М. Потина; 46 — А. К. Марков. Ук. соч., № 175; 47 — данные В. М. Потина; 48 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 74; 49 — данные В. М. Потина; 50 — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 703, № 7; 51 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 76, 131; 52 — там же, стр. 131; 53 — там же, стр. 76; 54 — там же, стр. 102; 55 — А. К. Марков. Ук. соч., № 156; 56 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 75; 57 — там же, стр. 131; 57a — там же; 58 — А. К. Марков. Ук. соч., № 268; 59 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 77; 60 — А. К. Марков. Ук. соч., № 154; 61 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; 62 — данные В. М. Потина; 63 — W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 124; 64 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; 65 — раскопки Л. А. Голубевой в 1957 и 1960—1961 гг.; 66 — КОПИ ИА АН СССР; 67 — А. К. Марков. Ук. соч., № 155; В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; 68 — Череповецкий краеведческий музей, инв. № 1089; 69 — данные В. М. Потина; 70 — А. А. Спицын. Курганы Белоозерского уезда..., стр. 162; 71 — Л. А. Голубева. Славянские памятники на Белоозере, стр. 29; 72 — Н. В. Тухтина. Отчет о работе Белоозерской экспедиции ГИМ в 1960 г. Архив ИА АН СССР, № 2180; 73 — ESA, т. III, стр. 148; 74 — Г. П. Гроздилов. Археологические памятники...; 75 — Г. Ушаков. Дневник разрытия курганов в Устюженском уезде. СПб., Ведомости 1844 г., №№ 262, 263; Отчеты В. И. Равдоникаса, Б. Кириллова, М. Е. Арсаковой о раскопках в Устюженском уезде в 1925 и 1926 гг. Архив ЛОИА АН СССР; 76 — Отчет о раскопках Н. И. Репникова..., стр. 17; 77 — В. А. Плетнев. Об остатках древности и старины в Тверской губ. Тверь, 1903, стр. 473—480; 77a — Отчет о раскопках Н. И. Репникова..., стр. 17—18; 78 — А. К. Марков. Ук. соч., № 275; 78a — там же, № 274; 79 — В. А. Плетнев. Ук. соч., стр. 505 и 510; 79a — там же; 80 — там же; 81 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 102; 82 — Е. И. Горюнова. Этническая история..., карта № 3; 83 — там же; 84 — там же; 84a — там же; 85 — Я. В. Станкевич. К вопросу..., стр. 73; 86 — там же, табл. III, 8; 87 — Темеревский могильник, кург. 18; раскопки Я. В. Станкевич в 1939 г.; 88 — Я. В. Станкевич. К вопросу..., стр. 70; 89 — Е. В. Горюнова. Этническая история..., карта № 3; 90—93 — там же; 94 — А. К. Марков. Ук. соч., № 159; 95 — данные В. М. Потина; 96 — ОАК за 1913—1915 гг., стр. 179; Гос. Эрмитаж ОПК, секция Северо-Запада, кол. 655, №№ 1—10; 97 — А. А. Спицын. Древности Севера. Тотьма, 1926, стр. 12; 97a — там же; 98, 99 — П. Савельев. Ук. соч., стр. 123—124; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Запада, кол. 652, №№ 8, 22; 100 — данные В. М. Потина; 101 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; 102 — МАЭ, кол. 1265, №№ 103, 107, 128, 296, 337—343, 357, 367, 405; 103 — А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Ук. соч., стр. 28—54; 104 — Отчет АК за 1891 г., стр. 106; 104a — А. К. Марков. Ук. соч., № 32; 105 — М. В. Талицкий. Кочергинский могильник. МИА, № 1, 1940, погр. 3, стр. 164, табл. III, 37, 38; погр. 5, стр. 167, табл. V, 65; 105a — И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы. МИА, № 27, 1952, № 123; 106 — там же, № 94; 107 — там же, № 120; 108 — А. К. Марков. Ук. соч., № 35; 109 — там же, № 168; 110 — там же, № 196 ГИМ, кол. 42 360, № 1, 2 и кол. 37 914; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 535; А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 204; 111 — А. П. Смирнов. Донды-Карское городище. Тр. Научн. об-ва по изучению Вятского края, вып. 4, М., 1929; 112 — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 199; 113 — там же, № 223; 114 — там же, № 222; 115 — А. К. Марков. Ук. соч., № 265; 116 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 102; 117 — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 606, №№ 144, 513, 577; 118 — В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 120; 119 — А. А. Спицын. Археологическая находка конца X в. в Глазовском уезде Вятской губернии. ЗРАО, т. VII, табл. 32, 1; 120 — А. А. Спицын. Древности..., табл. XIX, 7; 121 — А. К. Марков. Ук. соч., № 159; 122 — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1228; 123 — А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 209—212; А. А. Спицын. Археологический альбом. рис. 23, 24; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 540, №№ 1, 9, 12; кол. 571, №№ 109, 110, 117, 192; ГИМ, кол. 35711, № 683; 124 — ГИМ, инв. 35110; 125 — А. А. Спицын. Древности..., табл. XXII, 3; А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 214; И. А. Лунегов. Редикарский могильник КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 124—128; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 535, №№ 85, 86, 93; 126 — ГИМ, кол. 35711, № 1; 127 — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. № 539, № 1; 128 — там же, кол. 57, № 208; 129 — В. А. Оборин. Плеховский могильник на Каме.

КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 200—202; 130 — данные В. М. Потина; 131 — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1167; 132 — В. А. Оборин. Баяновский могильник на р. Косьве. Уч. зап. Пермского университета, т. XI, вып. 3, Харьков 1953; 133 — Н. А. Прокошев. Погребения на р. Чусовой. СА, III, 1937, стр. 129—134, рис. 1, 12, рис. 5, 1; 134 — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 831; 135 — Н. Г. Первухин. Ук. соч., табл. XIV, 4; 136 — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1468; 137 — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 571, № 91; 137a — А. А. Спицын. Древности..., табл. XI, 6; 138 — там же, табл. VII, 4; XI, 1; XVII, 4; XXIII, 14; 139 — там же, табл. XI, 5; 140 — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 586, №№ 23—25; 140a — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1417; 141 — там же, № 1420; 141a — А. А. Спицын. Древности..., табл. XXXV, 8; 141b — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1418; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 573; 142 — А. А. Спицын. Древности..., табл. XVII, 2; XXII, 14; 142a — Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 573; 143 — там же, кол. 540; 1; 144 — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1303; 145 — ГИМ, кол. 44794; 145a — М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, № 33; 146 — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 1177; 147 — там же, № 1151; 148 — А. А. Спицын. Древности..., табл. XXXIX, 16; Ф. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. III, 1; 149 — А. А. Спицын. Древности..., табл. V, 14; табл. XII, 11; табл. XVIII, 3; табл. XXXVII, 9; 150 — там же, табл. XXXIX, 25; 151 — там же, табл. XXXII, 8; А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 213; 152 — А. А. Спицын. Древности, табл. XXXIX, 11; 153 — там же, табл. XIII, 6; табл. XVIII, 1; 154 — там же, табл. XI, 3; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 577, №№ 4—6; 155 — В. А. Оборин. Камская археологическая экспедиция 1955 года КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 103; 156 — М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье..., № 38; 157 — И. А. Талицкая. Ук. соч., № 117; 158 — А. А. Спицын. Древности..., табл. VII, 9; табл. XXXIX, 7, 22; Гос. Эрмитаж, ОПК, секция Северо-Востока, кол. 546, №№ 24—25; В. А. Оборин. Рождественское городище и могильник. Уч. зап. Пермского госуниверситета, т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 172—173; 159 — А. А. Спицын. Древности..., табл. XXXIX, 2; XI, 13; 160 — Гос. Эрмитаж, кол. 568, №№ 144—145, погр. 43.

Приношу благодарность В. М. Потину за предоставление мне данных о находках монет XI в.

СОДЕРЖАНИЕ

Статья

С. Н. Биби́ков (Киев). Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы . . .	3
Л. А. Мацу́евич (Ленинград). Чаша из Бартыма	25
А. А. Бобринский (Москва). Древнерусский гончарный круг	33
Л. А. Голубева (Москва). Археологические памятники веси на Белом озере	53
Г. К. Вагнер (Москва). Грифон во владими́ро-суздальской фасадной скульптуре	78
Н. В. Рындина (Москва). О древнерусском литье «навыплеск»	91
С. П. Бурлацкая (Москва). О датировании археологических объектов археологическим методом	99
К. Домбровский, П. Стопинский, Е. Ступницкая (Варшава). Исследование археологических памятников методом определения величины электросопротивляемости грунта	105
К. С. Николэску-Плошор (Бухарест). К изучению палеолита Румынии	116
Л. А. Фадеев (Москва). Основные проблемы африканской археологии	134

Публикации

З. А. Абрамова (Ленинград). Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре	147
В. М. Массон (Ленинград). Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе	157
Р. М. Мунчаев (Москва). Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии	176
С. А. Есаян, А. Н. Шагинян (Ереван). Археологические находки в Зангезуре	199
М. М. Кобылина (Москва). Скульптурный портрет из Фанагории	209
И. Т. Кругликова (Москва). Мраморная голова из Аполлонии	215
В. Д. Блаватский (Москва). Подводные разведки в Ольвии	225
И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин (Москва). Погребение гуннского времени близ Танаиса	235
С. А. Плетнева (Москва). Подгоровский могильник	241
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме	252
А. В. Никитин (Москва). Белгородская крепость XVI—XVII вв.	260

Заметки

А. И. Тереножкин (Киев). Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмулла близ Ташкента	279
Е. К. Максимов (Саратов). Материалы из Хвалынского музея	282
Л. А. Ельницкий (Москва). По поводу портретных скульптур скифских царей Скилура и Палака	289
П. П. Хороших (Иркутск). Олений камень из Забайкалья	291
М. А. Романовская (Москва). Селище Лукашевка II	293
Л. Р. Кызласов (Москва). Статуэтка северного оленя из Канска	299
Ю. А. Краснов (Московская обл.). Курганы с трупосожжениями у дер. Горышкино	302
М. В. Фехнер (Москва). Глиняные лапы из Тимеревского курганного могильника	305
Э. А. Макаев (Москва). Руническая надпись из Новгорода	309
В. В. Седов (Москва). Войносоловский крест	311

Критика и библиография

А. А. Формозов (Москва). Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР	315
И. Г. Нариманов, З. И. Ямпольский (Баку). Г. М. Асланов, Р. М. Ваидоз, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур	318
В. М. Массон (Ленинград). L. Dupree. Shamshir Ghar	320
И. Ш. Шифман (Ленинград). Н. Н. Залесский. Этруски в Северной Италии.	320
В. П. Левашова (Москва), Л. Р. Кызласов . Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины	322
Б. А. Рыбаков, А. В. Кириянов (Москва). В. И. Довженок. Землеробство древней Руси	324

Хроника

Ю. Н. Дмитриев	333
---------------------------------	-----

SOMMAIRE

Articles

S. N. Bibikov (Kiev): De l'histoire des faucilles en pierre dans le sud-est de l'Europe	3
L. A. Matsoulévitch (Léningrad): La coupe de Bartym	25
A. A. Bobrinsky (Moscou): Tour de potier de la Russie ancienne	33
L. A. Goloubeva (Moscou): Les monuments archéologiques des Vès	53
G. K. Wagner (Moscou): Griffon dans la sculpture de Vladimir-Souzdal	78
N. V. Ryndina (Moscou): Sur le moulage «navyplesk» (au jet) dans la Russie ancienne	91
S. P. Bourlatskaya (Moscou): Sur la datation des objets archéologiques par méthode archéomagnétique	99
K. Dąbrowski, V. Stopiński, E. Stupnicka (Varsovie): Recherches de monuments archéologiques par méthode de détermination de la grandeur de la qépression Khakassie-Minousinsk	105
K. S. Nicolaescu-Plopoc (Bucarest): Sur l'étude du Paléolithique en Roumanie	116
L. A. Fadéev (Moscou): Les problèmes de l'archéologie africaine	134

Publications

Z. A. Abramova (Léningrad): Krasny Yar, station paléolithique sur à Apollonia	147
V. M. Masson (Léningrad): Fouilles sur Djeitoune et Kara-Tépé	157
R. M. Mountchaev (Moscou): Les monuments de la civilisation maïkopienne de Tchétchéno-Ingouchety	176
S. A. Esayan, A. N. Chaguinian (Erevan): Trouvailles archéologiques dans Zanguézour	199
M. M. Kobylina (Moscou): Sculpture portrait de Phanagorie	209
I. T. Krouglikova (Moscou): Le portrait de Démosthène trouvé	215
V. D. Blavatsky (Moscou): Recherches sous-marines dans Olbie	225
I. S. Kamenetcky, V. V. Kropotkine (Moscou): Sépulture du temps des Huns près du Tanais	235
S. A. Pletneva (Moscou): La tombe de Podgorovka	241
R. L. Rozenfeldt (Moscou): La frise en carreaux de faïence de l'Eglise de la Trinité de Kostroma	252
A. V. Nikitine (Moscou): La forteresse de Belgorod des XVe—XVIe siècles	260

Notes

A. I. Térénojkine (Kiev): Le trésor d'objets en bronze Andronovsky du village Britchmoulla près de Tachkent	279
E. K. Maximov (Saratov): Pièces du musée Khvalynsk	282
L. A. Elnitsky (Moscou): Au sujet des sculptures portraits des rois scythes Skilour et Palak	289
P. P. Khorochikh (Irkoutsk): «La pierre de cerf» de Transbaïkalie	291
M. A. Romanovskaya (Moscou): Vestiges du village Loukachevka II	293
L. R. Kyzlasov (Moscou): La statuette de renne du nord de Kansk	299
I. A. Krasnov (région de Moscou): Tumulus avec crématoire près Gorychkino	302
M. V. Fekhner (Moscou): Les pattes en argile de tumulus de Timérévo	305
E. A. Makaev (Moscou): L'inscription runique de Novgorod	309
V. V. Sédov (Moscou): La croix de Voïnosolovo	305

Critique et Bibliographie

A. A. Formosov (Moscou): N. A. Bérégovaya. Les lieux de trouvailles paléolithiques en URSS	315
I. T. Narimanov, Z. I. Yampolsky (Bakou): Minguétchaour ancien	318
V. M. Masson (Léningrad): L. Dupree. Shamshir Ghar	320
I. Ch. Chifman (Léningrad): N. N. Zalessky. Les Étrusques dans l'Italie du Nord	320
V. P. Lévacova (Moscou): L. R. Kyzlasov. L'époque Tachtyk	322
B. A. Rybakov, A. V. Kirianov (Moscou): V. I. Dovjénok. L'agriculture dans la Russie ancienne	324

ПОПРАВКА

В № 2, 1962 г., в статье И. Т. Кругликовой «О гончарной мастерской в Гориппий», стр. 224, строку 10 снизу следует читать: во II в. до н. э.